

ЧИЖИК-ПЫЖИК

Антония Таубе

Оливия Таубе

**Антония Таубе
Оливия Таубе
ЧИЖИК-ПЫЖИК**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=15069050

ISBN 9785447437077

Аннотация

Вампиры? Какими мы представляем себе этих загадочных существ? Как они входят в нашу жизнь? И как мы противостоям их влиянию? Об этом расскажет мистическая история. Наслаждайтесь чтением, дорогие читатели!

Содержание

Глава 1. Клементина	5
Глава 2. Чижик-пыжик	42
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Чижик-пыжик

Мистическая история

Антония Таубе

Оливия Таубе

Любые совпадения имен и фамилий являются случайными.

*И пришлось ей стать осторожной
Чтоб свободу свою спасти,
И вот теперь почти невозможно
Повстречать её на пути.
Стала пуганой птица удачи
И не верит людским рукам,
Да и как же ей быть иначе —
Браконьеры – и тут и там.
Андрей Макаревич,» Синяя птица».*

© Антония Таубе, 2016

© Оливия Таубе, 2016

© Антон Валерьевич Вент, дизайн обложки, 2016

© Антон Валерьевич Вент, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Клементина

Утром сегодня я поднялась рано, еще шести не было, хотя вставать мне в такую рань было абсолютно незачем! Муж до конца недели уехал в командировку, девочки несколько дней назад с радостью отправились в загородный лагерь, и я осталась – сама себе барыня, сама себе хозяйка. Но раз уж проснулась, то решила, – пока народ не поднялся, пока не наступил палящий жар летнего дня, – пойти и полить цветы. Живу я на первом этаже, вот и соорудила весной самодельный газончик с клумбой под своими окнами, у самого входа в подъезд. Посеяла газонной травки, насадила разных цветов: кое-что семенами, кое-что рассадой. Вот и ухаживаю теперь, – уж очень хочется, чтобы было нарядно и красиво!

Правда, есть соседи, которые просто органически не выносят, чтоб было нарядно и красиво. Вот ведь прекрасно видят они, что здесь посажены растения, но нет, – обязательно надо пройти по клумбе, шагая без разбора прямо по цветам, или собачку тут же прогулять, чтобы она «сюрпризик» мне на память оставила, хотя вокруг буквально изобилие «ничейных» пустырей. А кто-то постоянно кучу окурков выкидывает с верхних этажей нашего трёхэтажного дома, а ведь тоже прекрасно знают, куда бросают. Одно слово – вандалы! А если в двух словах, то просто – бессовестные варвары. И тут уж я ничего не могу поделать! Обидно

очень, конечно, даже иногда хочется как-нибудь их побить, но я понимаю, что ничего и никак мне с ними не сделать, поэтому просто собираюсь выйти пораньше и напоить свои цветочки, чтобы росли крепкие и красивые.

Утешая таким манером сама себя и радуясь на свои цветочки, набрала я ведро воды, развела пакетик купленного накануне удобрения и вышла из подъезда. Вышла и... буквально остолбенела! – на единственной щербатенькой ступеньке подъезда сидела и смотрела на меня в упор большая нахохлившаяся птица. По виду она была мне явно незнакома: ни сорока, ни ворона, размером значительно крупнее курицы, и с какой-то странной, волнующе необычной, сине-радужной окраской оперения. Местами тёмный синий цвет крыльев отдавал в переливающуюся глянцевую черноту. Местами чернота неуловимо переходила в лазурь, а затем плавно в небесный голубой цвет и еще множество оттенков голубого, синего, бирюзового и лазурного. А, кроме того, – всё это великолепие роскошно переливалось перламутром!

Уж очень необычной была эта пташка, внимательно смотревшая сейчас на меня! Вот только вид у нее был то ли уставший, то ли больной, или она была чем-то сильно расстроена, в общем, какой-то очень уж тревожный, беспокойный был вид. Несколько мгновений мы молча смотрели друг на друга. У меня – просто язык к горлу прилип, а она – словно терпеливо выжидала.

– Ты кто? – наконец спросила я почему-то хриплым ше-

потом.

– Клементина, – ясно и совершенно отчётливо ответила птица.

– Клементина, прости, пожалуйста, но ты – кто? Ты ведь не простая птица, верно? – я вдруг очень разволновалась, да так, что совершенно не обратила внимания на то, что я *разговариваю* с птицей!

– Я – Птица Счастья. Или ещё, по-другому, меня называют просто Синяя Птица. А ты кто?

– А я Валентина. Я здесь живу. Вот видишь, – показала я ей наполненное водой ведро, – цветы собираюсь полить. А что с тобой, Клементина? Прости, но ты как-то неважно выглядишь... Я могу тебе чем-нибудь помочь?

– Да, Валентина, можешь. Я здесь именно *тебя* и жду. Только *ты* и можешь помочь мне.

– Тогда давай я тебя домой занесу, а то здесь полно собак бегают, – как бы не обидели тебя ненароком! Дома покормлю тебя, отдохнешь, и спокойно поговорим. Ладно? Ты согласна?

– Хорошо. Я тебе верю, – тяжело вздохнула Клементина и устало прикрыла глаза полупрозрачными веками.

Я отставила в сторону ведро, бережно и аккуратно взяла Клементину на руки и занесла ее в квартиру. Она была совсем не тяжелая и выглядела совершенно обессиленной. Чувство жалости к несчастной птице буквально захлестнуло меня! И мне очень захотелось, чтобы со мной она почув-

ствовала себя в безопасности, чтобы она поняла, что здесь её никто не обидит и другим в обиду не даст.

Вот так и появилась у меня Синяя Птица Счастья. А я... да что там говорить, состояние у меня было в тот момент какое-то взбудораженно – растрёпанное: согласитесь, ведь не каждый день такое происходит! Даже сразу и не сообразишь, что делать и как себя вести. И вдруг, – стоп! – до меня только что дошло, и я ловлю себя на мысли, – да я ведь *с птицей* разговариваю! И она мне тоже русским языком отвечает! Разве так бывает? Ну, есть, конечно, говорящие попугаи и говорящие вороны, но их или специально обучают человеческой речи, или же они очень искусно имитируют услышанные звуки. Но здесь – совершенно не то, пока не знаю точно, что, – но здесь смысл, без сомнения, абсолютно другой! От разных мыслей мозг буквально вскипает, того и гляди, взорвется. Ладно, буду пока считать, что попала в сказку, или нет, лучше буду считать, что это сказка пришла ко мне. Иначе крыша может поехать. На этом и успокоилась, поскольку понимала, что сейчас мне нужна совершенно ясная голова.

Так, первым делом мою милую птаху необходимо чем-нибудь подкрепить! Только кто его знает, чем питаются сказочные Птицы счастья... ладно, предложу для начала то, что есть, – авось, да что-нибудь сгодится, а после разберемся. Достала из морозилки несколько рыбешек мойвы, – кошка моя её очень любит, – изрезала на мелкие кусочки, так же

мелко нарезала яблоко и положила на блюдечко немного варёной гречки – вечером с печёнкой готовила, вкуснотища! Ну и конечно, чистой водички налила в маленькую пиалушку, – да не с хлоркой из-под крана, а артезианской, бутилированной, из кулера, чтобы невзначай не отравить ослабленную птицу. Со всем своим угощением я угадала: Клементина всё съела с удовольствием! От сытной еды она быстро размлела, и её сразу же потянуло в сон. Я решила, что это хороший знак! Я и младшей дочери, когда заболит, всегда говорю: «Спи, милая! Когда спишь, болезнь уходит и силы восстанавливаются. Покушала, и спи. После каждого сна здоровее будешь». Так вот и сейчас.

Уж не знаю, какие на самом деле у этих птиц гнёзда или дома, или какие-то другие жилища, но сейчас я быстренько освободила большую коробку из-под телевизора, в которой у меня в кладовке хранилась несезонная обувь, решив из неё соорудить удобную «гостиницу» для моей птахи. Затем я в несколько слоев свернула маленькое детское байковое одеяло, застелила этим одеялом дно коробки, – и спальное место для моей необычной гостьи было готово! Клементина с признательностью взглянула на меня и мгновенно заснула. А я подумала:

– Бедная, бедная, сколько же ты настрадалась! Это же сколько пережить надо, чтобы до такого вида дойти! Но ничего, отдохнешь, поправишься, а там видно будет, что делать дальше.

...Ну а цветы-то всё-таки надо сходить полить. Подальше от греха закрыла я кошку в другой комнате и пошла во двор. Кошка, конечно, очень оскорбилась таким моим поведением, но иначе поступить я не могла – это была вынужденная мера безопасности! Так что, – уж прости, Муська!

Второй раз за утро вышла я из подъезда. За это время во дворе ничего не изменилось. Как я поставила на крылечке у двери свое ведёрко час назад, так оно и стояло, дожидалось меня. Посмотрела я на цветы и опять огорчилась: самые крупные головки бархатцев, которые вчера ещё красовались на клумбе и радовали глаз, сейчас валялись оборванные рядом, тут же на грядке. Интересно, – тому, кто это сделал, от сделанного идиотизма стало легче? Или радостнее? Или веселее?

...Руки автоматически поливают каждый кустик, поднимают веточки, что-то поправляют, а в голове все мысли сейчас – совершенно о другом! Постепенно начинаю осознавать всю невероятность событий последнего часа. Да разве проснувшись поутру, еще пару часов назад, могла ли я представить такой поворот событий? Да никогда! Даже случайно в голову не пришло бы! Хотя ведь давно уже я поняла и неоднократно убеждалась в том, что жизнь иногда такой сюжет может закрутить, что ни в какой сказке не придумаешь. Вот, наверное, мой случай и есть из разряда подобных сюжетов... Но как голову ни ломай над этим вопросом, пока с Птицей не поговорю, даже примерно не представляю, в ка-

ком направлении следует думать!

Птица спала долго, и невооруженным глазом видно было, насколько же она уставшая и измученная! Только к вечеру Клементина проснулась и чувствовала она себя уже значительно лучше. Я ещё раз хорошо накормила гостью, и она охотно поела. А я быстренько закруглила все свои дела, и началась наша долгая беседа. Синяя Птица не торопясь рассказывала о своих злоключениях, а мне все больше и больше становилось стыдно за род человеческий...

Сейчас их, этих самых Птиц Счастья, осталось в мире не больше трёх десятков, а когда-то было достаточно для того, чтобы помогать всему человечеству. Это был Золотой Век на пути эволюции планеты: люди и вся окружающая их природа жили в гармонии, во всём соблюдалось равновесие, – во всех сферах деятельности людей, во всех взаимоотношениях человека и природы, – всюду чётко выдерживался баланс между добром и злом. Поэтому всеобщее развитие шло правильно, благополучно и успешно. Потом как-то постепенно и незаметно началось расслоение среди людей, начались войны за власть, за территории, за политическое влияние; всё сильнее становились зависть и злоба и, в конце концов, хрупкое равновесие было нарушено. А дальше всё нарастало, как снежный ком, – злость и агрессия пошли по Земле семимильными шагами!

Чтобы остановить весь этот беспредел, к людям применяли самые жёсткие меры! Уж и прореживали человечество

с помощью разных болезней и войн, – просто-таки тысячами выкашивали, чтобы хоть как-то переключить все народы на другие дела и заботы, на мирное созидание! Но нет, не хотели люди понимать, что надо изменить себя, изменить своё мышление, изменить свои действия: как Владимир Высоцкий сказал: «... на Земле забыли десять заповедей рваных», а если бы они соблюдались, эти несложные, в общем-то, заповеди, насколько бы легче всем нам жилось на белом свете!

И, кроме того, большая беда была в том, что человечество пошло по технократическому пути развития, вследствие чего мы имеем сейчас совершенно обескровленную землю, загрязненную воду и отравленную атмосферу. В результате всего этого резко стала сокращаться популяция Синих Птиц: у них просто перестали рождаться птенцы! В настоящее время существует всего один птенчик. Представляете себе, всего один единственный птенчик! И это на всю нашу многострадальную планету! Но хоть их и осталось этих птиц всего ничего, по пальцам сосчитать можно, тем не менее, они по-прежнему – Птицы Счастья, и в меру своих небольших сил всё так же стараются помогать людям. А ещё нам крепенько повезло в том, что эти пташки живут не менее трехсот лет. И хотя люди в большинстве своем воспринимают этих птиц на уровне народной сказки, – счастья всем хочется! Надо сказать, что сколько сказочных образов Птиц существует, – птица Феникс, птица Рухх, птица Алконост, Жар-птица и так далее, – всё это разные ипостаси одного прообраза: Си-

них Птиц Счастья. Помните, совсем недавно песенка такая была: «Выбери меня, выбери меня, птица счастья завтрашнего дня...» Об этом обычно не говорят, но на самом деле очень многие страстно желают уж если не птицу поймать, то хотя бы пёрышко синее найти, хоть одно... Эх, хочется всем, да не всем даётся...

В наш город Птица прилетела ранним утром, три недели назад. Несколько раз пролетела она над городом, осмотрелась и облюбовала себе красивое местечко: нарядный фонтан на площади в центре города, – хотелось ей утолить жажду после долгого перелёта, да и просто немного отдохнуть. Несмотря на ранний час, на улице уже был кое-какой народ – энергично шуршали метлами дворники, уже пошли первые трамваи, и дороги постепенно заполнялись автомашинами. Тут же неподалеку играла стайка мальчишек, что было несколько удивительно, – и что только деткам не спится тёплым летним утром?

Все вокруг дышало спокойствием, и ничто не предвещало беды. Да только Птица не знала того, что у нас зачастую взрослые гады вырастают из маленьких гадёнышей. Так произошло и сейчас. Ничего не подозревая, птица осторожно опустилась возле фонтана. Но стоило ей сделать лишь несколько шагов, как вдруг что-то резко дернуло её за ноги, и она упала, больно ударившись крылом. Кое-как Птица ухитрилась подняться и посмотрела на свои ноги. Что это?

Чем же ноги вдруг стали опутаны, да так, что шагнуть нет возможности? Присмотревшись, Птица поняла, – это была петля из толстой суровой нитки, и в эту-то вот петлю наша Птица попала обеими ногами.

Тут же, визжа, хохоча и перекрикивая друг друга, на Птицу накинулись милые детки! Это у них развлечение такое было...

И когда Клементина рассказывала мне об этом, я вспомнила, что – да, я тоже видела у фонтана стреноженных голубей, которых даже и поймать было невозможно, чтобы освободить их от нитяных оков. Люди с жалостью смотрели на них, видя как птицы мучаются, и поминали тех, кто это сотворил, «тихим, добрым словом»...

Малолетние садисты, конечно, не знали и даже не догадывались, – *кого* они изловили! Пойманную Птицу они радостно притащили в подвал какого-то полуразрушенного двухэтажного дома, предназначенного под снос, и там привязали к трубам крепко-накрепко синтетическим шнуром. Хотели детки поразвлечься, как обычно, – повывёртывать из птички пёрышки, повыворачивать ей косточки и так далее. Но их спугнула остановившаяся вдруг напротив подвального окна милицейская машина. Пришлось им быстренько и потихому убегать, а Птица осталась одна, совершенно беспомощная, голодная, страдающая от жажды, и с заклеенным скотчем клювом.

А дальше милые детки про неё, видимо, забыли, – или

их самих всех переловили за мутные делишки, – потому что в последующие несколько дней её не посетил никто. Привыкали они её достаточно туго, однако за несколько дней голода она очень похудела и верёвки ослабли. Но зато она смогла хоть немного двигаться! Птица и сама тоже стала очень слаба, – она то впадала в беспамятство, то пыталась перебить свои путы заклеенным клювом, долбя и долбя в одно и то же место. Ждать помощи было неоткуда. А силы убывали просто катастрофически... Ведь она была хоть и необычная, но всего лишь птица... Наконец, каким-то чудом ей удалось понемногу размочалить клювом свои путы и постепенно разорвать ненавистную верёвку!

Подвальные окна были давно, ещё при жильцах, все накрепко заколочены, и несчастная Птица с трудом ковыляла на ослабевших ногах от окна к окну в поисках выхода. Вы спросите, а как же дверь? Ведь мальчишки беспрепятственно проникали в подвал! Но они хоть и вынуждены были поспешно ретироваться, все-таки не забыли подпереть дверь тяжелой ржавой бочкой, в которой когда-то оставалось полбочонка краски, а теперь это все давно засохло, но весило очень тяжело. Видимо, детки собирались сюда вернуться чуть позже, но по какой-то причине сделать этого не смогли! Отодвинуть такую подпорку от двери Птице было не под силу.

...В конце концов, Птице немного повезло: она нашла одно окно, которое было забито фанерой, в отличие от других,

заколоченных металлическими листами. И фанера эта оказалась какой-то рыхлой, покоробленной и не крепкой, так как приколочена она была много лет назад, и за это время неоднократно и намокала и высыхала, опять разбухала от сырости во время дождей и снова ссыхалась в жаркую пору. Вот от этой-то фанеры и начала Птица ошипывать и отрывать с одного угла небольшие щепочки, полосочки, драночки, – тут уж хоть как назовите, – но она всё-таки смогла этот самый слабый уголок полностью убрать!

Ура! Вот она, свобода! У Птицы от радости сильнее забилось сердце, и как будто даже сил откуда-то добавилось! Образовавшегося в фанере просвета как раз хватало для того, чтобы выбраться на волю. Но, увы, радость оказалась преждевременной. Получилось так, что всё, пережитое ею, было только началом многочисленных испытаний измученной Птицы!

А дальше произошло следующее. Едва она вы бралась из подвала и только-только встала на землю, как увидела мчащегося прямо на неё злобного питбуля. Из-за сильной слабости лететь она не могла, а прятаться было некуда, – даже назад в подвал быстро не пролезть в то небольшое отверстие, из которого она только что выбралась! Положение Птицы было незавидным и просто отчаянным! Однако буквально в пяти шагах от подвального окна стояла легковая машина без водителя, но с опущенным стеклом, – видимо,

он где-то тут, рядом, отлучился на минуту, раз в таком виде машину оставил. На тот момент Птица посчитала эту машину за огромную удачу и, собрав все остатки сил, вспорхнула в машину через приоткрытое окно. Ну вот, спасена в очередной раз! Собака яростно заливалась лаем, в дикой злобе скакала и металась вокруг машины, но внутрь попасть, конечно, не могла.

Да только на самом деле это спасение Птицы означало всего лишь то, что называется: «попала из огня, да в полымя»! Потому что машина, в которой нашла убежище наша Птица, принадлежала местному пройдохе, прохиндею от рождения, кровопийце без стыда и совести, Видалию Сегреевичу Гадимирову, – кривому на один глаз, напыщенному полутораметровому квартирному аферисту сорока с лишним лет.

Хитёр и изворотлив был этот проклятый дрозophil: много людей оставил он без жилья, успешно проворачивая мошеннические операции с квартирными документами доверчивых граждан, за что неоднократно попадал в каталажку, но обычно – только на период следствия! А потом ему в очередной раз удавалось выкрутиться, ловко подставив своего заместителя и предоставив ему возможность повести несколько ближайших лет своей жизни в небольшом замкнутом пространстве в строгой изоляции от общества. Короче говоря, этот одноглазый обмылок был «чёрным риелтором». Хотя промышлял он не только на этом поприще! Для отвода глаз он трудоустраивался в какую-нибудь заваливающую фир-

мочку. Например, – исполнительным директором в фирму «Синка.» Но настоящей его деятельностью были обман, мошенничество, подлог и так далее. Это с молоком матери было заложено в его поганой крови, это было смыслом его жизни, без этого кривой гoblin просто не мог существовать! Была у него и семья: взрослый сын, никчёмный раздолбай Тимка, и жена Татьяна, с которой он давным давно предусмотрительно оформил развод, ну так... на всякий случай, вдруг дело дойдёт до конфискации имущества, а он – вот он, гол, как сокол, у него ничего нет, всё только у жены со смешной и нелепой фамилией Немытая! Да-да, не удивляйтесь, именно так: Татьяна Немытая. Хотя чему удивляться, таких упырей с грязной душой никогда и никому не отмыть, какие моющие средства к ним ни применяй, эти хмыри навсегда останутся немывыми...

Вот к этим-то гнилушкам и угодила измученная Клементина. Когда Видалька вернулся в машину и увидел Клементину, его единственный настоящий глаз загорелся алчным огнем: этот сверхсупержадный недомерок сразу смекнул, какой подарок ему судьба подкинула, можно сказать, – на блюдечке преподнесла и прямо в его коротенькие загребушие ручонки сама же и передала! Уж чего-чего, а дураком-то он не был... а тут *такое*! Даже сердце бешено застучало под слоем жира!..

Ну, про его загребушие ручонки-то все знают, – это у них в семье наследственное, по роду идёт. Папаша Видалькин

всю жизнь на тракторном заводе проработал и, считай, ни одного дня не было, чтоб он что-нибудь не вынес с работы: то гвозди прихватит, то дощечку какую, то что-нибудь другое, что плохо лежало и что можно было унести в руках...

У Видальки ещё младший брат есть, Никовлай, – так они оба с детства запомнили все папашины приёмчики и наставления по поводу того, как следует жить! Он и не скрывал от детей, что тащит везде и всё, что только можно унести, но при этом не уставал повторять им, назидательно направив в потолок свой указательный перст:

– Главное – не попадаться, главное – вовремя смыться!

А детки были умненькие и папенькины уроки усвоили крепко, хорошо и на всю жизнь!

...Вот к этому злыдню, неудачному созданию природы, и попала бедняга Клементина! Весь путь до дома Видалька лихорадочно соображал, как заставить Птицу помогать ему, – знал ведь, подлая душа, что Птицы эти помогают только добровольно. Мысль о том, что её следует просто выпустить на волю, даже ни разу не возникла в его паскудном мозгу, – воображение уже рисовало ему картины владения всем миром, где превыше всех он, всемогущий и всесильный Видалька, а Птица беспрекословно выполняет все его желания по одному щелчку пальцев! Ну, помните, как одна противная старуха хотела быть владычицей морскою и чтоб золотая рыбка была у неё на посылках?.. Вот, примерно, что-

то такое представлялось сейчас озабоченному недомерку, – только, естественно, с благополучной концовкой, конечно! Зря, что ли, Фортуна ему такой куш отвалила?

Ну а дальше – фантазия кривого злого карлика ненамного отличалась от фантазии противных деток! Дома Видалька первым делом – как вы думаете, что сделал дома Видалька первым делом? – правильно, первым делом он крепко-накрепко прикрутил Птицу к батарее! План был прост, как три копейки, – в обмен на еду и питье Птица воленс-неволенс станет осчастливливать убогодочного Видальку!

Но вот тут злобного карлика ждал полнейший облом, – если Птица не считает нужным что-либо делать, её не заставишь это делать *ничем и никакой силой!*

Видалька, конечно, ни с кем не хотел делиться своей находкой, он вообще намеревался всё это событие держать в тайне и подальше от посторонних глаз. Соответственно, и разведённая супруга Видалия Сегреевича Гадиминова, глупая Немытая гусыня, и его безмозглый наследник, торкнутый никчёмный Тимка, – все получили строжайшее повеление: никому ни слова, никому ни звука! Ослушание чревато самыми суровыми карами! Хорошо хоть, Тимкина жёнушка с отпрысками к своей родне в деревню укатила! Дав ценные указания, грозный Видалька с самой суровой «мордой лица» для пущей важности ещё и жирненьким кулачком сурово потряс перед лицами своих домашних, – всё уясни-

ли?! И те дружно закивали головами, – да, да, конечно всё поняли, как же иначе!

...И без Видалькиных ухищрений жизнь Птицы уже висела на тонкой ниточке, а когда ещё трое суток прошли без пищи и воды, тут уж жизнь в ней и вовсе еле теплилась. От бессильной злобы Видалька буквально исходил на говно, – хотя и так уж давно на сто процентов состоял только из этой воючей субстанции и из ничего более, – но поделаться всё равно ничего не мог!

Тогда он надумал обратиться за содействием к младшему брату. Долго, конечно, терзался – уж очень не хотелось делиться с таким же алчным братиком, но другого выхода не было. И, скрепя сердце и скрипя зубами, он пригласил Никовлая к себе домой, сказав, что дело очень срочное и не терпит отлагательства! Больше он ни о чем по телефону не рискнул говорить.

Никовлай тип был ещё тот, и об этом стоит поговорить отдельно. Будучи младшим братом, по комплекции Никовлай был немного крупнее малорослого Видальки, но тоже обладал барской осанкой и величавыми манерами. Он с детства имел непомерные амбиции и всегда желал только одного – любой ценой быть на виду, чтобы им восхищались, чтобы о нём говорили! Словом, с самого раннего детства маленький Никовлашка мечтал о славе! Этому посредственному во всех отношениях ребенку славы хотелось просто до безумия! Поэтому всеми способами он старался всегда, везде

и всюду быть на виду, чтобы в глазах окружающих добавить себе значимости и веса!

Ещё в далёкую нежную пору детства маленький Ковля сумел понять, что всеобщее признание кроме чувства превосходства даёт ещё и какие-то материальные блага, к которым душа малолетнего хапуги была ну очень чувствительна и неравнодушна! И случилось это вот в какой момент. Видалька тогда учился в пятом классе, а Никовлашка, соответственно, во втором. Обладая хорошим музыкальным слухом, он всегда принимал участие в художественной самодеятельности: когда один, а когда и вместе с Видалькой.

И вот как-то раз детский коллектив школы успешно выступил в местном дворце культуры на Новомодном празднике, после которого всем участникам художественной самодеятельности выдали не по одному, как всем прочим детям, а по ДВА кулечка новомодных подарков. И если другие просто радовались нежданнм сладостям, то маленький Никовлашка серьёзно и осмысленно поедал их, осознавая всю важность момента. Вот тогда-то он и уяснил, что можно иметь что-нибудь материально приятное, не прилагая особых усилий. Достаточно быть на виду, в правильном месте и в нужное время! Таким образом, основной жизненный тезис Никовлая был успешно сформирован. Когда хитрожопенький мальчик подрос, перед ним встал неизбежный вопрос, — а дальше-то как быть, на кого учиться и кем стать? В каком направлении дальше двигать, да так, чтобы без осо-

бого напряга быть всегда на виду и на почёте!

Ишачить на заводе, как папаня, ему, конечно, не хотелось – фи, этот вариант отвергался категорически! Имея хоть и небольшую, но артистическую, жилку, – или, как теперь говорят, имея задатки шоумена, – Никовлай принимает решение: ступить на музыкальную стезю.

В ту пору доморощенные вокально-инструментальные ансамбли плодились, как грибы после дождя, вот в такую-то самодельную группу и пристроился Никовлашка барабанщиком – ударником. Сначала ему вроде и понравилось это дело, но вскоре он понял, что нет, не то! Здесь он всего лишь *один из* многих безликих музыкантов, а ему хотелось быть *единственным* в своём роде! А куда податься? Все доступные ниши на рынке труда и искусства уже давно и прочно заняты, а славы-то хочется по-прежнему! Просто до скрежета зубовного!

И юный рвач принимает неожиданное для всех решение: он будет православным батюшкой! Мать рыдала от стыда перед соседями, знакомые ехидно усмехались, многие от него просто отвернулись: ну какой, к чертям собачьим, из Никовлашки батюшка? Так, разве что курам насмех... А надо сказать, что ещё лет двадцать назад отношение в обществе к этому вопросу было иным, нежели сейчас, и поэтому решение Никовлашки выглядело так нелепо и «скандальёзно». Хотя в данном случае – ради светлого будущего сейчас ему было абсолютнейшим образом плевать на всё!

...Учился Никовлай усердно, молился и поклоны бил, что называется, до усрачки! И это совершенно серьёзно, без всяких шуток, потому что – по его собственным словам – пердёж грохотал такой, что стены сотрясались, а от густой жгучей вони щипало в горле и резало глаза!

Так прошло несколько лет. Никовлай к этому времени уже успел жениться, нашел себе такую же, как сам, соратницу и спутницу жизни. Но вдруг в какой-то момент его выпендрёжная натура запротестовала, – он всегда любил принарядиться, покрасоваться, распустив павлиний хвост, а ведь православный батюшка обычно ходит в тёмном одеянии, какая уж там красота! Как-то уж очень сильно Никовлашке этот момент не нравился! И Никовлай начал лихорадочно искать выход из этой ситуации. И ведь нашел, каналья!

На Западе давно и успешно действуют протестантские церкви различного толка. Поясняю, чтоб было попонятнее: протестантство – это, по сути, реформированное лютеранство и является самостоятельной ветвью христианства, наряду с католичеством и православием. Вот в эту-то сторону и обратил свои взоры пронырливый Никовлай. Вопрос веры в данном случае – это дело десятое! Главное – что можно вещать перед большой аудиторией и одеться посолиднее, да и жена будет называться не матушкой, а гораздо изящнее, – она будет женой пастора.

Сказано – сделано! После немалых усилий и махинаций ему удалось организовать церковь с многообещающим на-

званием «Обновлённая жизнь». Какие, говорите, тут могут быть махинации? А вот какие. Один из примеров: его дружок, не будем называть имени, организовал фирму под серьёзным и заманчивым названием «Росстрой плюс» по строительству жилья, и привлекал деньги граждан под это жильё, причём немалые деньги, причём каждый месяц, причём на протяжении длительного времени! Правда, «плюс» получился только для фирмы и Никовлашки, а для всех доверчивых вкладчиков – один только жирный «минус» и ничего более! Поскольку, как вскоре выяснилось, на строительство жилья не было потрачено ни рубля! На собранные с граждан-лохов деньги был оборудован шикарный офис для пуска пыли в глаза, – чувствуете, насколько это в духе Никовлашки? А ещё там выплачивались фантастических размеров зарплаты и премии всем сотрудникам, поскольку все они были прихожанами Никовлашкиной церкви. Ну а все остальные деньги в огромном количестве шли на строительство церкви Никовлая Сегреевича. Это называлось: «Бог помог».

Закончилось это грандиозное мероприятие тем, чем и должно было закончиться: неосторожного доверчивого друга посадили на восемь лет, а Никовлай за него благополучно помолился. Всё! Больше он об этом друге даже и не вспоминал!

И таких примеров можно привести ещё немало. Только зачем, мы ведь не биографию жуликов изучаем, верно?

Справедливости ради надо сказать, что проповеди он читал интересно, ими можно было бы заслушаться, если бы... если бы не знать про его гнилое нутро посредственного шоумена и безмерные амбиции бывшего барабанщика – ударника, каковым он навсегда и остался в душе!

Не нами придумано, что чёрного кобеля не отмоешь добела...

Вот к этому-то братишке и обратился за содействием Видаля, до крайней степени раздражённый и обозлённый неговорчивостью полудохлой Птицы. Не в её положении выкобениваться! Никовлай с двух слов ухватил суть происходящего, и уж как забилося у него сердце и загорелись его глазки – это ни в сказке сказать, ни пером описать... Что ему там Видалькины проблемы, он его даже и не слушал! У него самого последнее время дела шли не очень успешно, как-то так себе, ни шатко, ни валко, а хотелось-то, как всегда, блистать и возвышаться. А тут... такая удача! Сердце от сверхвозбуждения стучало, словно молот кузнеца по наковальне, а в висках пульсировало с такой силой, что даже уши закладывало: вот оно, счастье, наконец, дождался, не зря столько лет молился, все-таки вымолил! Вот уж, действительно, Небо послало ему помощь!

Никовлашка чётко понял, что это его шанс, и упустить его никак нельзя! Он еще не знал, как этим шансом воспользоваться, но точно знал, что что-нибудь обязательно прииду-

мает! ...А уж чтобы отпустить измученное существо на волю, — эта мысль даже не промелькнула в его набожном благочестивом мозгу. Жадность и тщеславие перекрыли абсолютно всё!

Рядом эти два братца — афериста, Гадимировские отпрыски, выглядели очень комично: взъерошенный телепузик Видалька и напыщенный тщеславный барственный Никовлашка. Братья давно уже друг друга крепенько недолюбливали. Но они, как ни говори, были одной гнилой крови, а ведь давно известно, что свой своему поневоле друг! Вот и получалось, что хоть они друг друга не особо жаловали, но в некоторых ситуациях вынуждены были объединяться по принципу: «Против кого дружить будем?», как вот, например, сейчас.

...Никовлашку издавна раздражала слишком уж явная Видалькина пронырливость, а Видалька отчаянно завидовал Никовлашкиной способности всегда и везде втихаря урвать себе кусок пожирнее! И съёмную трёхкомнатную квартиру ему прихожане оплачивают; за их же счёт чуть ли не каждые полгода, а то и чаще, меняет он свои машины, за их же счёт оплачивает обучение своих детей! Да и много чего ещё ему удаётся проворачивать, оставаясь при этом в глазах окружающих порядочным и кротким, белым и пушистым. Ну, это, конечно, в том случае, если кто лично не был знаком с Никовлашкой, — только тем так казалось. А кто его знал поближе, те на его счет не заблуждались!

И был ещё один момент, который Видалька не мог простить братцу. Однажды Никовлашка крепенько облажался, невзначай выдав Видальку следственным органам. А всё из-за своего вечного желания похвастаться и покрасоваться.

Дело было так. Шло очередное следствие по поводу Видалькиных махинаций, и его разыскивала милиция. А ему, как всегда, с милицией встречаться не хотелось, и он скрывался, как только мог! Дело уже дошло до того, что если ему зачем-нибудь нужно было зайти домой, то, подъехав к дому, он останавливался где-нибудь неподалеку за углом, за деревьями, за мусорным баком и так далее, – с таким расчетом, чтобы в случае тревоги можно было моментально смыться. Так вот, подъезжал он таким манером к дому и звонил своей Немытой курице, а она по его звонку сразу же из всех окон обозревала окрестности, – высматривая, нет ли поблизости подозрительных личностей или не менее подозрительных машин, – и в свою очередь отзванивалась Видальке. Если все было чисто, он мигом заскакивал в подъезд дома! В квартире он надолго не задерживался, – боялся, и, наскоро сделав свои делишки, быстренько сматывался, – вот где папашкина выучка пригодилась, не раз его добрым словом вспоминал в такие минуты благодарный сын!

И надо же такому случиться, что именно в эту пору Никовлашка на очередном воскресном богослужении после проповеди решил огласить названия организаций – спонсоров, конкретно указав, кто и чем помог материально в нуждах

церкви. Оглашение выглядело так: «Вот такая-то организация подарила нам шифер на крышу, вот такая-то организация оплатила установку окон, а вот такая-то организация, *фирма „Синка“*, в которой работает мой брат, завезла нам доски и плинтусы для пола» и т. д. Он-то хотел показать всем, насколько его церковь уважают, – для того, чтобы привлечь новых спонсоров, поскольку взываемой десятины на все нужды Никовлая Сегреевича хронически не хватало! Но последствия страстного призыва Никовлая оказались несколько иными...

Более того – эффект от его жаркой проникновенной речи оказался совершенно неожиданным и непредсказуемым и... плачевным для Видальки! После того, как тщеславный братик публично указал Видалькины координаты, нужные люди спокойно дождались Видальку возле работы, взяли его тёпленького под белы ручки и, раскачав хорошенько, на раз-два-три закинули с размаху в «черный воронок»! Что уж и говорить, Видалька тогда пережил много неприятных минут, но ему опять удалось выкрутиться, так как он предусмотрительно все сделки проворачивал через подставных лиц. А уж что дальше будет с этими подставными лицами, – это уже его не интересовало: были бы поумнее, не подставлялись бы! Так что их жалеть? Но с той поры он ещё больше затаил злобу на Никовлашку, не смог простить ему тяжкие дни нахождения в следственно изоляторе.

И вот теперь эти два упыря были едины в своей озабоченности: как бы вырвать из Птицы побольше благ для себя! И если все Видалькины просьбы почти уже умирающая Птица игнорировала, то в Никовлашкиных увещеваниях она уловила проблеск разумности, хотя видела насквозь всю его лживую, хапужную натуру. А просил наш лжесвятоша не менее, как помощи в открытии им ещё одной церкви. Те, кто посещал уже существующую его церковь «Обновленная жизнь», его, конечно, хорошо знали, – в том смысле, что в этом узком кругу он был широко известен, и, хоть относились к нему по-разному, но... на этом было и всё, больше о нём никто не знал! А честолюбивому Никовлаше по-прежнему отчаянно хотелось популярности! Хотелось стоять над толпой с вытянутой вперед рукой и указующим перстом направлять массы на путь истинный! В его интерпретации это называлось «нести людям Божье слово».

Вот в этом моменте, после некоторых размышлений и колебаний, Птица с большой натяжкой и большой долей сомнения согласилась с Никовлашкой. Своё согласие Клементина мотивировала для себя тем, что ведь все священнослужители – это люди, люди со всеми присущими им недостатками, но, тем не менее, каждый из них, в меру своих сил и понимания, распространяет Божье учение. Вот так и этот чванливый пузан... Так почему бы не помочь? Глядишь, и он кого-то к Богу обратит... А в отношении его деяний люди потом со временем сами разберутся...

И если Видальке помогать Птица наотрез отказалась, то хитрожопенькому Никовлашке она всё же помогла. Благодаря чему вскоре он благополучно открыл еще одну церковь, эта уже называлась «Благовестие для всех».

А через какое-то время благочестивый пастор ещё более благополучно смылся в Швецию: всеми правдами и неправдами выкупил наш Никовлашка в небольшом городке небольшой приход и теперь по воскресеньям читает проповеди там. Все, кто остался здесь, – это для Никовлашки уже отработанный материал, исчерпанное месторождение, которое уже ему совсем неинтересно! Правда, ему всегда отчаянно хотелось в Америку, в Талсу, штат Оклахома, но и Швеция тоже жилось неплохо. Хотя отличие от России – в Швеции, конечно, дураков нет, ну да ладно, дальше видно будет...

Это все произошло, конечно, уже потом. Не за один день, разумеется, хотя и в очень небольшие сроки. Так что встреча с Птицей очень даже пошла Никовлаю на пользу!

Но вернемся сейчас к нашей измученной Птице! Спасение пришло с совершенно неожиданной стороны: вот уж воистину, не зря говорится, что не знаешь, где найдешь, где потеряешь... Спасителем оказался обкуренный торчок Тимка, Видалькин выдристыш, – в молодёжной среде больше известный по прозвищу Гад, Гадёныш, Гадючонок и прочие производные от своей тухлой фамилии. Где-то он был ду-

рак дураком, а тут, глядя на папашку с дядькой, тоже сообразил, что ведь и ему своё надо урвать, не всё этим двум загребущим удодам жировать за чужой счет! В последнее время за Тимкой бдительно надзирали, но сейчас всё внимание было обращено на Птицу, и неусыпный контроль за Тимкой значительно ослаб. Чем он успешно и воспользовался!

Выбрав подходящий момент, он вывалил перед Птицей примерно полмешка различных лекарств и пояснил:

– Вот, мамахен здоровая, как конь с яйцами, а любит выскивать у себя разные болезни, лечиться любит, – так это всё её барахло!

И следом задал свой самый важный вопрос, ради которого всё и затевалось:

– Скажи, Птица, от чего-нибудь из всей этой свалки мне может стать хорошо?

Птица подумала, внимательно на всё посмотрела и кивнула:

– Да, может.

Правда, в слово «хорошо» они вкладывали разный смысл, но Тимка-то об этом не знал! Он стал требовать, чтобы Птица указала на нужный препарат, но тут уже Птица проявила упорство:

– Сначала развяжи, потом покажу! Развяжи, ведь все окна и двери закрыты, я никуда не денусь, но хоть по комнате пройду, хоть разомну затёкшие мышцы!

Юный наркоман ничего не заподозрил и начал лихорадоч-

но её отвязывать, лишь бы скорее указала нужные «колеса»! А после того, как Тимка все верёвки развязал, Птица показала ему... импортное снотворное, – от него тебе, дорогуша, точно уж станет хорошо! Ведь сам-то Тимка не понимал, что там на наклейке написано, так как надпись была на английском языке!

Когда довольный Тимка нажрался этих таблеток, «захо-рошел» и окончательно отрубился, Птица быстро и аккуратно продолжила своим твёрдым клювом оконное стекло и, наконец-то, вырвалась на свободу, навсегда распрощавшись с вонючей семейкой зловонных Гадимировых! После этого и оказалась она у моего подъезда, буквально под моими окнами.

А дальше Клементина рассказала, зачем она прилетела в наш город и почему именно ко мне. Чтобы повесить угасающую деторождаемость Синих Птиц, им нужна определен-ного вида трава, которой раньше практически всюду про-израстало великое множество. Но в последние десятилетия, из-за резко ухудшившейся повсеместно экологии, эта травка осталась только в нашем регионе, да и то не сплошными лу-гами, как было когда-то прежде, а небольшими редкими ост-ровками, или даже и вовсе отдельными травинками. Слушая её, я удивилась (надо же, в нашей паршивой экологии – и со-хранилось такое чудо!) и одновременно порадовалась: Слава Богу, что хоть здесь, у нас, несмотря ни на что, – эта травка

выросла!

Тут надо сказать, что у меня есть очень хорошие родственники, которые всей своей дружной работающей семьей живут в красивом собственном доме на берегу озера. Так вот – именно у них во дворе и растут несколько былинков необходимого Птице снадобья! Причем, заметьте, именно в зацементированном дворе, а не на ухоженном огороде. Не поверите, но между зацементированной площадкой двора и гофрированной изгородью из профнастила в одном углу осталась буквально пятисантиметровая полосочка земли, так вот на этом-то крошечном пятачке и выросла редкая травка! Именно эти травинки и попросила меня Птица раздобыть для неё. Правда, во дворе обитал весьма суровый сторожевой пёс, и я сначала подумала, что Птица боится его, – ведь она хоть и волшебная, но всего лишь пташка! Я спросила – так ли это? – Нет, – отрицательно покачала головой Птица, – причина не в этом. – А в чём тогда? – удивилась я. – Знаешь, Птица, они хорошие люди, и с радостью отдадут тебе все травинки, если ты их об этом попросишь! – Нет, – ещё раз отрицательно качнула головой Клементина, – они хорошие люди, это так. Но дело в том, что они не верят в чудеса, а ты веришь! В этом и разница. Поэтому только ты можешь принести мне эту траву! Если захочешь, конечно...

Хочу ли я? Конечно же, хочу! Да ещё как хочу! Не откладывая дела в долгий ящик, я тут же позвонила родственникам, договорилась с хозяйкой, что я скоро к ним подъеду,

и она будет ждать меня дома.

Я мигом собралась и, не теряя ни минуты, поехала, – уж очень мне хотелось помочь исстрадавшейся Птице! Птица мне подробно объяснила, что это за травка: как выглядит, какие листочки, какие цветочки, и как следует каждую травиночку срезать, чтобы на этом месте такая трава могла расти и дальше.

Не вдаваясь в подробности, скажу лишь, что данное поручение выполнила я в лучшем виде! А уж как счастлива была Птица, это даже и не пересказать! А когда первые бурные эмоции несказанной радости немного поулеглись, Птица вдруг неожиданно посерьезнела и сказала:

– Дорогая Валентина, а теперь я хочу наделить тебя твоей долей счастья. Я с радостью сделаю это для тебя. Да и к тому же, как ни говори, это всё-таки моя прямая обязанность, – делать людей счастливыми! Как для каждого человека существует своя правда, точно так же для каждого существует своё счастье. Твоё счастье будет вот какое. В вашем городе живет необыкновенный человек, всемогущий Волшебник, и я подарю тебе счастье знакомства с этим человеком. Он всегда поможет тебе при любой нужде, в любой необходимости, он всегда поймёт и всегда подскажет, как правильно следует поступить, если тебя будут обуревать сомнения. Далеко не всем подряд дается по жизни такой друг, и со временем ты поймешь, какое это счастье – ИМЕТЬ ТАКОГО ДРУГА. Он не похож на других людей, он особенный, он

не такой, как все. Для него нет ничего невозможного, ему открыты все тайны мироздания, он может ВСЁ!

Я слушала Птицу, и у меня при этом было какое-то очень странное состояние: на слух вроде бы я все её слова воспринимала, но умом понять не могла, – уж слишком фантастически всё это звучало! Тут же я мысленно одернула себя:

– Стоп, Валечка, не забывай, что к тебе пришла сказка! Поэтому все слушай внимательно и запоминай, потом разберешься, что к чему!

...Дальнейшая действительность во много раз превзошла всю эту фантастику! Птица оказалась совершенно права, – права абсолютно во всём!

Клементина погостила у меня ещё два дня. Я уговорила её не улетать, пока она как следует не окрепнет. Мне было очень тяжело расставаться с Птицей: сердце щемило от грусти, но я прекрасно понимала, что пришла пора нам распрощаться. Птица была очень мне признательна за помощь, а я была рада, что смогла хоть немного помочь ей в выживании всего их Птичьего клана.

...После моего знакомства с Волшебником как-то незаметно, но довольно скоро, жизнь моя совершенно изменилась качественно, – постепенно ушли все болезни, которые уже давно стали хроническими; незаметно наладились давно и непонятно по какой причине испорченные отноше-

ния с некоторыми родственниками; материальное положение моё стало просто прекрасным, потому что все денежные проблемы сами по себе куда-то подевались, их не стало совершенно, они просто непостижимым образом испарились, исчезли, – и как следствие всего этого и ещё многого другого, – в душе моей наступила полная гармония. Я СТАЛА СЧАСТЛИВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ! Конечно, для этого и мне пришлось хорошо потрудиться, – причем потрудиться главным образом самой над самой собой, уж простите за тавтологию. Но когда знаешь, *что* следует делать, *как*, *когда* и *для чего*, то поверьте: это всё дает душе только радость! Понимаете, – всё получается, всё удается, всё, что ни делается – всё только в радость! Даже представить такое трудно, верно? А я вот в этом теперь живу постоянно. Разве это не счастье?

И еще одно маленькое дополнение: хоть и не по существу вопроса, но, несомненно, ко всеобщей радости. Примерно через два с половиной года после описываемых событий наступила Видадькина кончина: совершенно неожиданная, бесславная и какая-то плебейская, что ли, если так можно выразиться о кончине.

Однажды мелкими шажочками подошёл к нему престарелый дедок, которого Видадька когда-то выселил из квартиры на улицу. Он подошёл и попытался отвесить Видадьке пощечину, причем выражение его лица означало высшую степень презрения к Видалию Сегреевичу Гадимирову. Но пол-

новесно отвесить пощечину дедулька не смог, потому что движения его были очень медленными, да и Видалька мгновенно среагировал. Он быстро отклонился назад, но от резкого движения поскользнулся на брошенной кем-то банановой кожуре! Не удержав равновесия и нелепо раскинув руки, Видалька повалился вверх тормашками, при этом сильно долбанувшись башкой о стоявший рядом большой цветочный вазон, который был установлен здесь на кубической гранитной тумбе ещё аж в тысяча девятьсот пятьдесят четвертом году! А дальше произошло нечто невероятное, или наоборот, – скорее, закономерное! То ли Видалькина башка была железная, то ли у материала, из которого когда-то был сделан вазон (может, это был бетон, может, гипс, а, может, алебастр), истёк срок годности, – теперь это уже неважно!

Но только от мощного удара Видалькиной башкой вазон дал трещину, мгновенно разделился на две неравные части, и большая половина этого сооружения обрушилась на распластавшегося внизу Видальку. Причем упала эта увесистая половина очень прицельно: прямехонько на самую нежную и трепетную часть Видалькиного организма! Короче говоря: там, где раньше у гоблина – недомерка были яйца, образовалась свежая яичница – болтунья! Да, видимо, и ещё что-то в гнилом Видалькином нутре раздавилось от такого удачного прямого попадания, потому что он выл и подвывал всё время, – пока ждали «Скорую», пока его довели до больницы, пока его забросили на операционный стол...

Врачи сделали всё, что могли, но, к счастью, все их усилия оказались напрасны! И ни одна живая душа не пожалела об откинувшем копыта Видальке, и ни одна слезинка не пролилась по безвременно ушедшему...

Даже его Немытая курица и то, после того, как Видальку закопали, пришла домой, с облегчением потянулась всем своим пышным телом и смачно сплюнула, с наслаждением выдохнув при этом:

– Наконец-то, сдох, козлиная! – и думать забыла об этом огрызке, который когда-то был её мужем.

Он и так-то уже давно мешал ей в личной жизни... А чего о нём думать, если всё их имущество, – движимое и недвижимое, – оформлено на неё?

А Тимка – так тот даже ради приличия не пришёл проводить родителя. Некогда было! В день папашиных похорон он до обеда проспал, и никакой силой его разбудить было невозможно! А вечером отправился в клуб потусоваться с друзьями и там между делом обрадованно им сообщил, что папаша, наконец-то, склеил ласты и теперь уж точно отстанет от него со своими нравоучениями. А то, вцепился, как клещ в собаку, и надоел уже хуже горькой редьки! Вот и довоспитывался!

Однако проводить Видальку в последний путь пришло очень много народа, люди шли со всех концов города! Но не из уважения к нему, нет, ни в коем случае! Обиженные им люди пришли, чтобы воочию убедиться, что эта гнида,

наконец-то, закопана и больше из могилы не вылезет. Мысль у всех провожающих была одна:

– Чтоб ты, гадина, во веки веков горел в адском пламени! Ныне, и присно, и во веки веков! Аминь.

Вот так бесславно пришёл конец Гадимирову Видалию Сегреевичу, местному гоблину-недомерку, который ломал жизнь каждому встреченному им человеку.

Ну что ещё можно добавить к моему повествованию? Разве что вот такой небольшой штришок. Как-то раз я довольно долго наблюдала, как общались между собой Клементина и моя кошка. Они находились очень близко друг от друга, буквально в десяти сантиметрах, как говорится, – «лицом к лицу», и очень внимательно смотрели одна на другую. При этом они не просто молчали: я как-то поняла, что они общаются между собой телепатически. Это было понятно по выражению их «лиц». Кошка что-то спрашивала, о чем-то рассказывала, с чем-то соглашалась, с чем-то нет, а Птица – отвечала и в свою очередь тоже что-то рассказывала. И было очень понятно, когда она одобряла или не одобряла кошкины речи. В этот момент я вспомнила, что недавно слышала в какой-то эзотерической передаче, будто кошки пришли к нам из шестого измерения. Тогда мне это было непонятно, я восприняла те слова просто как сказочное преувеличение, сказанное ради красного словца. Но теперь, увидев собственными глазами то, что немногим доведётся увидеть, – я

не сомневаюсь, что так оно и есть!

...Бог знает, где она теперь, моя Синяя Птица Счастья!
А я знаю, что буду помнить о ней всю свою жизнь, я её никогда не забуду...

В действительности всё иначе, чем на самом деле.
Антуан Де Сент-Экзюпери

Привычка терпеть и приспособливаться превращает
людей
в бессловесных скотов.

Это в России – наследственное. Мы
умеем изменяться только в силу жёсткой
необходимости.
Борис Стругацкий

Неважно, насколько человек удалился от Бога,
для него
путь назад никогда не будет отрезан, ведь в основе
нашей
сущности лежит божественная сила. Без
божественной
искры мы не могли бы жить.
Петра Шнайдер, Герхард Пьерот, «Ангелы среди нас».

Глава 2. Чижик-пыжик

– Боже мой, как хорошо! Боже мой, как хорошо! – в такт торопливым шагам радостно пела душа Иннокентия. Он шёл и счастливо улыбался, потому что в эту минуту радость жизни переполняла его, переливалась через край и выплёскивалась наружу! И сдержать её он не мог. Да и не хотел, – уж слишком хорошо было всё вокруг! От избытка чувств сейчас он готов был обнять целый мир!

Позвольте одно маленькое отступление, вернее, даже не отступление, а так, краткое пояснение, чтобы сразу стало понятно, где разворачиваются все последующие события, о которых здесь пойдёт речь. Но для начала я немного напомню вам о том, что, в общем-то, и так всем хорошо известно. А именно: много есть на свете городов, название которых состоит из двух слов, – такие, скажем, как Нижний Новгород, Вышний Волочок, Старый Оскол, или, к примеру, всем хорошо известная Санта Барбара, и ещё много-много других больших и малых городов и городков по всему белому свету. Так вот, подобно им и наш город имеет двойное название и называется он – Необычным Городом. Просто Необычный Город – и всё! И поэтому всё, что имеет отношение к нашему городу, называется НеобычногорОдским, с ударением на последнее «о» – например, необычногоро-

Родские школы, необычного Родские таланты, знаменитая на всю округу необычного Родская рыбалка и так далее.

Но давайте вернёмся к нашей истории, чтобы все узнали, что там такого странного было на самом деле и как оно всё в действительности происходило. Ведь событие у нас произошло, прямо скажем, не совсем обычное, я бы даже сказала больше – оно было совершенно из ряда вон выходящим! Но давайте посмотрим на это дело изнутри и по порядку, и узнаем, как оно всё начиналось и чем закончилось!

Итак, – в Необычный Город, наконец-то, пришла настоящая весна! Обновленная природа проснулась после зимнего сна в очень хорошем, просто замечательном, настроении! После долгой холодной зимы – с её морозами, выюгами и снегопадами, после длительных возвратных заморозков ранней весны – люди, птицы и растения все-таки дождались устойчивого тепла, и теперь дружно наслаждались им, подставляя солнышку бока, пёрышки и листочки, – короче говоря, у кого что было, то и подставляли!

В природе начиналось чудесное майское утро, когда всё живое радуется наступающему дню! На что ни посмотри, куда ни повернись – всё радовало взор! Молодая зелёная трава, чудно-дивные серёжки на тонких берёзовых ветвях и высокий лазурный небосвод, – просто сказка, что за день начинался сегодня!

Но не будем отвлекаться на поэтические и романтические подробности этого майского утра, потому что именно сей-

час и начинается интригующая завязка всех последующих событий, – так сказать, момент зарождения длинной цепочки самых невообразимых вероятностей! Хотя, какой там – цепочка! Это, по правде говоря, был целый огромный клубок, причём запутанный и перепутанный до невозможности!

Однако продолжим своё повествование, – высокий, приятной наружности семнадцатилетний молодой человек с красивым именем Иннокентий торопился на утреннее служение в церковь Святителя Николая Архиепископа Мирликийского Чудотворца. Его светлые волосы приятно ворошил лёгкий ветерок, в голубых глазах отражалось голубое небо, а длинные ноги бодро отмеряли по дороге метр за метром!

Этот был молодой пономарь, или по-другому алтарник, который лишь в прошлом году окончил среднюю школу и считал себя человек уже достаточно взрослым и самостоятельным, но, несмотря на все его старания выглядеть старше, всё же казался пятнадцатилетним мальчишкой, – хотя изо всех сил стремился выглядеть степенно и солидно! Иннокентий собирался в следующем году ехать в Сергиев Посад, чтобы поступать в Московскую духовную семинарию. Он очень мечтал об этом! Да и родители одобряли и поддерживали это осознанное решение их сына. Правда, в Необычном Городе Кеша жил один, так как родители его находились далеко, – они проживали в небольшом селе Красноармейского района, в двух часах езды от областного центра. Там у них и жителей-то было всего восемьсот человек! Так

что продолжать образование там было негде, вот и пришлось уехать из дома.

Кеша порой очень скучал по своим родным! Его родители были верующими людьми, жизнерадостными, работающими и любили друг друга. Да и все остальные родственники, каких только знал Иннокентий, – и близкие, и дальние – были такими же. Поэтому истинно православный образ жизни был для него вполне естественным, хотя маленький Кеша видел вокруг себя много совершенно противоположных примеров. Он рос бесппроблемным ребёнком и как губка впитывал в себя всё хорошее, что видел в своей семье, и никакая посторонняя грязь к нему не прилипала.

Словом, так вот и получилось, что в Необычном Городе Иннокентий жил без мамы и папы, будить его по утрам было некому, и сейчас он был очень раздосадован на себя! Ну надо же, какая детская безответственность, – он сегодня так глупо проспал! Ведь, несмотря на молодость, наш юный герой был человеком пунктуальным, обязательным и дисциплинированным, а потому – время поджимало, и чтобы не опоздать и быть в церкви вовремя, Иннокентий решил пройти кратчайшим путём, через кладбище. Невозможно было даже представить, что он пришёл в церковь после начала службы! Ужасно стыдно было бы перед отцом Василием за своё глупое опоздание!

Иннокентий всегда старался усердно работать, – во-первых, ему нравилось то, чем он занимается, а во-вторых, для

поступления в семинарию нужна была рекомендация священника. И до сегодняшнего дня он добросовестно исполнял своё послушание – пономарил в церкви, и люди уважали его за старание, трудолюбие и приветливый характер, поэтому Кеше очень не хотелось портить свою хорошую репутацию каким-то глупым опозданием!

Одной из основных его обязанностей в церкви была уборка алтаря. Но и кроме этого у него было много не менее важных обязанностей, которые требовали полной отдачи! Иннокентий прекрасно знал и отлично понимал, что для достойного пономарского служения ему требуется глубокое знание церковного устава, и потому к каждому богослужению он готовился очень тщательно и, как правило, старался появляться в алтаре задолго до прихода священника. Да и подготовка к предстоящему поступлению в семинарию требовала много сил и усердия, и на это уходило всё свободное время молодого человека. Именно с занятиями он вчера и засиделся допоздна, хотя, конечно, это не причина для опоздания! Для поступления на учёбу надо было знать – хотя бы азы! – Священную историю Ветхого и Нового заветов, общецерковную историю, историю Русской церкви, катехизис, множество молитв и так далее. Представляете, какая нагрузка? Но наш юный друг принял твёрдое решение посвятить свою жизнь служению Церкви, и поэтому предстоящие трудности его не пугали! Так что с полной уверенностью можно сказать, что сейчас он проходит пономарскую практику пе-

ред рукоположением. Это всё я разъясняю для того, чтобы стало понятно, что Иннокентий умел дорожить временем, ценил его, а потому и был так крепко раздосадован своим сегодняшним «просыпанием»! Что для другого парня его же возраста было бы просто незначительным эпизодом, – подумаешь, проспал! – для Иннокентия было событием очень серьёзным! Правда, когда он вышел из дома и увидел вокруг себя нежное очарование майского утра, его досада несколько поутихла, а потом и вовсе быстро пошла на убыль, – в такой красоте просто невозможно было долго злиться! – но опоздать в церковь он всё равно ни за что не хотел!

Вот так и получилось, что решил он пойти через кладбище. Сокращая свой путь таким образом, Иннокентий выигрывал немного времени, – минут пятнадцать, и это его вполне устраивало. И потому, не раздумывая долго, он быстро свернул на дорогу, ведущую к кладбищенским воротам. Дорога эта была ему хорошо знакома, внутреннее состояние молодого служителя соответствовало погоде, а погода стояла чудесная, и потому вокруг всё было – сплошная Божья благодать! Ласково и нежно пригревало солнышко, и весело хлопотали всевозможные птички, деловито разгребая все свои весенние заботы – ведь каждой птичке надо было быстро обустроить гнездо, вывести птенцов и успеть за лето вырастить их и обучить всем премудростям нелёгкой птичьей жизни! Словом, от всего, что происходило вокруг, от всего, что он сейчас видел и слышал – на душе молодого человека

было хорошо и радостно! На сердце было легко и безмятежно! Иннокентий радовался жизни и был совершенно счастлив! Утро было просто чарующим, а настроение – волшебным! Было так хорошо, что лучше просто и быть не может!

И тут среди всей этой благодати как-то внезапно, за долю секунды, самым непостижимым образом всё вокруг стало изменяться – неуловимо, едва заметно, но при этом явно ощущимо...

Вдруг внезапно подул резкий порывистый ветер. Он налетел неожиданно и стремительно, взявшись совершенно ниоткуда, и за считанные секунды разрушил и уничтожил всю свежую прелесть майского утра! Только что чистое и прозрачное небо буквально за одну минуту затянули тяжёлые тёмные тучи и всю округу накрыл густой, неприятный, тревожный какой-то сумрак. Ещё пара минут – и нежное ясное утро буквально на глазах превратилось в смутный давящий напряжённый вечер. Иннокентий с удивлением смотрел на эти неправдоподобные перемены, и ему даже показалось, что вот-вот на город опустится такая же беспокойная ночь. И это в такой-то утренний час! Совершенно невероятно! А между тем густая тьма сплошной пеленой затянула кладбищенскую аллею, по которой бодро шагал наш молодой пономарь, и дующий в спину холодный сквозной ветер заставил Иннокентия ещё более ускорить и без того торопливые шаги. Можно, конечно, не поверить, но он просто фи-

зически стал ощущать, как весь воздух вокруг стал сгущаться и невероятным образом превращаться в какой-то грязноватый кисель! Сразу стало трудно дышать – то ли от этого «киселя», то ли от ветра, который с такой бешеной силой бил со всех сторон сразу, что лёгкие молодого человека буквально забивались тугими струями спрессованного воздуха! Как будто он не сам вдыхал живительный кислород, а каждый вдох кто-то вколачивал ему в горло со страшной силой!

Именно в это время он и увидел будто бы тень человека, метнувшегося с аллеи куда-то в сторону старой части кладбища, вглубь древних крестов и надгробий с полустёртыми надписями. Силуэт этот показался ему смутно знакомым и молодой человек поторопился приблизиться к тому месту, где ему привиделась мелькнувшая тень, чтобы получше рассмотреть так поспешно скрывшуюся таинственную личность. Как-то вскользь ему показалось, что вроде бы это была женщина... Но кто это мог быть? Что и кому здесь могло понадобиться? Однако, быстро дойдя до той тропинки, где только что промелькнул женский силуэт, он никого не увидел! Ну и дела! Но ведь человек только что был здесь! Да куда же он подевался? Может быть, ему сейчас срочно помощь требуется? В сердце Иннокентия закралось неприятное саднящее беспокойство. Он замедлил шаги и при этом стал напряжённо озираться по сторонам, внимательно вглядываясь сквозь всё более сгущавшуюся темноту в заросли декоративной жимолости, тянувшиеся ровными рядами вдоль кладби-

щенской аллеи.

Сделав ещё несколько неуверенных шагов, Иннокентий совсем остановился, насторожённо замер и стал чутко вслушиваться в шум разыгравшейся стихии. Он весь буквально превратился в слух! От неимоверного напряжения всех нервов в нём до крайности обострилось чутьё наших далёких предков, и – ага, вот оно! – кажется, нашёл! Наконец-то, сквозь шумные порывы завывающего ветра он слабо различил обострившимся слухом такой же завывающий женский голос. Пока ещё никого не видя, Иннокентий пошёл на этот голос – в том направлении, откуда ветер доносил отдельные слова. И внезапно, в какой-то момент, обходя большое надгробие купца Еремеева, действительно увидел среди оградок, крестов и памятников женщину, едва не натолкнувшись на неё в темноте.

Стараясь оставаться незамеченным, Иннокентий поспешно скрылся за необъятным стволом огромного развесистого дуба, посаженного когда-то давным-давно на чьей-то забытой могиле, и стал пристально вглядываться в эту странную дамочку, стараясь рассмотреть, чем она тут занимается и что привело её на погост в такое неподходящее время. И что только ей понадобилось на кладбище в эту пору? Теперь, получше присмотревшись, он ясно различил её фигуру с длинными распущенными волосами, которые беспорядочно трепал неистовый ветер. На ней было надето что-то свободное и длинное – не то просторный халат, не то просто

какой-то бесформенный балахон, который временами надувался пузырьм при очередном порыве ветра, а порой опадал и плотно прилипал к ней подобно тесной перчатке, одетой на руку.

Она стояла возле одной из могил с поднятыми вверх руками, что-то говорила и немного раскачивалась в такт своим словам. При этом она не обращала ни малейшего внимания на разбушевавшуюся стихию. Она словно даже не замечала того, что творилось сейчас вокруг неё! Но ведь не заметить этого было просто невозможно! Как-то странно и тревожно выглядело всё это, и Иннокентий смотрел на непонятную женщину во все глаза, ни на секунду не отводя взора от этого зрелища. А зрелище, прямо скажем, было не из приятных! А зрелище, прямо скажем, было не для слабонервных! Но, между тем, она настолько была сосредоточена на своём занятии и настолько поглощена им, что и в самом деле не только совершенно не ощущала сногшибательных порывов ветра, но и даже не догадывалась о присутствии тут кого-то постороннего!

Иннокентий ещё более напряг свой слух, насколько только это было возможно, и, наконец, смог расслышать в шуме и гудении бури её речь, *смог разобрать – что она говорила...* И то, что Иннокентий услышал, повергло его в полнейший шок! Женщина говорила чётко различимым подвигающим речитативом: «... Рви, коли, и руби его, и секи его, не давая ни покою, ни отдыху! Будь он проклят, враг на клад-

бищенской земле, под гнилой плотиной и плитой могильной! Сохни суше травы, гасни хуже золы! Члены его деревенеют, чтобы ему более не возродиться и от грехов своих не молиться! Не уйти ему от моего заговора, как замок крепкого! Не уйти ему от моего слова, как цепь чугунная его держащая! Запрягаю его петлёй, отпеваю его кутьёй! Как мертвец к могиле привязан, так и ему путь к лечению заказан. Замыкаю я на семь замков, семь ключей. Вода в реке, тело в земле, заговор на затворе. Ключ. Замок. Язык кровавый оборотня дело успокоит, его захоронит!!!»

Став невольным свидетелем чужой и такой страшной тайны, Иннокентий сразу внутренне похолодел. И к тому же с содроганием в душе он уже узнал сию женщину! Это не была незнакомка, а напротив – была очень даже всем хорошо знакомая личность: это была колдунья Анилья из села Верхние Грязи, – немногословная, с тяжёлым взглядом, худощавая нелюдимая особа лет сорока. А село, где происходили описываемые сейчас события, именуется Нижние Грязи.

А назывались они, оба эти села, так потому, что как раз между ними находилось небольшое заиленное озерко с целебной грязью, и располагались они практически в пригороде Необычного Города, – хоть и вдали от городской реки, но в то же время как бы вдоль неё, – одно выше по течению, другое ниже. Пожалуй, теперь уже никто не помнил и никто не мог бы сказать, кто и когда прозвал так эти поселения,

но названия их так и прижились – Верхние Грязи и Нижние Грязи.

Санатории на берегах этого озера не строили – вроде как место бесперспективным считалось. Да, честно говоря, в городском бюджете и без этой заботы дыр хватало! Ну а местные богатеи из новых русских пока ещё не спохватились, какая золотая жила просто лежит у них буквально под ногами! Впрочем – это, как говорится, только вопрос времени. Но как бы то ни было, а с большой верой в лечебную силу местной грязи и ещё большей надеждой на исцеление – жаждущего и страждущего народа, да и просто туристов, приходило и приезжало сюда превеликое множество! Этому озерку даже никакая реклама не требовалась, – ведь у нас на Руси, как известно, слухом земля полнится! А потому безлюдья тут не бывало – и на берегу в грязи люди чуть не вповалку лежали, и ведрами эту грязь домой с собой увозили, и многим, кстати сказать, эта грязь помогала...

Ну да это так просто, к сведению, – вдруг кто надумает приехать! Приезжайте, не пожалеете! Места здесь красивые и народ хороший! В частном секторе комнату всегда снять сможете, и до города недалеко, – буквально рукой подать, на случай, если вам что-нибудь особенное понадобится, и автобусы регулярно ходят, и маршрутки часто бегают. Так что приезжайте, не только отдохнете, но и здоровье надолго поправите!

Но мы отвлеклись от Анисьи! Сколько раз уже разговари-

вал с этой неугомонной колдовкой церковный батюшка отец Василий! Сколько раз уже просил он её покончить с чёрным ремеслом и не осквернять своими богомерзкими обрядами православное кладбище! И каждый раз Анисья молча выслушивала его, ни единым словом не возражала батюшке и, не поднимая глаз, как будто бы соглашалась с ним, но, тем не менее, с пугающей регулярностью появлялась здесь снова и снова! Люди её боялись и ненавидели.

Тем не менее, однако, раз она никогда не сидит без дела, то вывод тут напрашивается простой и однозначный, а именно: на её услуги есть спрос, и кто-нибудь к ней постоянно обращается! Эх, люди, люди! Да зачем вам всё это, если есть Бог?! Да что же вы, люди добрые, делаете? И когда Иннокентий додумался до этой простой незатейливой мысли, на его сердце словно открылась саднящая незаживающая рана, — стало очень тяжело и больно, но только вот он не знал, как с этим можно справиться. А от осознания собственной беспомощности становилось вдобавок к этому и вовсе горько и обидно!

Через какое-то время Иннокентий понял, что колдунья уже завершила страшный обряд, потому что она спокойно наклонилась, словно и не завихривал вокруг неё сногшибательный ветер, и начала неторопливо собирать с могильной плиты свои колдовские атрибуты, расставленные там ею в определённом порядке. Что это были за штучки, он на расстоянии рассмотреть не мог, да и не хотел, честно говоря, —

и потому ещё теснее прижался к дереву, стараясь так слиться со спасительным стволом, чтобы женщина не заметила его, когда будет возвращаться назад. Совершенно не хотелось Иннокентию встретиться сейчас с ней лицом к лицу!

Но вот, наконец, тёмная фигура колдуньи прошла мимо него. И только сейчас наш пономарь с облегчением вздохнул! Он немного расслабился, выждал еще пару минут и только-только оторвался от дуба, намереваясь вернуться на аллею, как прямо над ним неожиданно сверкнула какая-то неправдоподобно огромная молния. Она походила своими очертаниями на исполинский ствол безлистого огненного дерева, и заполнила собой всё небо до самого горизонта. От такой неожиданности Иннокентий даже машинально пригнулся! Эта страшная молния расколола надвое небосвод и осветила все окрестности мертвенно бледным, каким-то потусторонним, светом, отчётливо высвечивая каждый предмет – каждую ветку, каждую травинку, каждый крест. Вслед за этим через несколько мгновений раздался ужасный оглушительный гром, да ещё и не один! Грозовые раскаты были такой чудовищной силы, что Иннокентию даже показалось, будто земля под ним содрогнулась! Тут же до густой черноты потемнело низкое небо, и на землю обрушился тяжёлый ливень.

Легко одетый пономарь мгновенно промок насквозь! Теперь уже он дрожал не только от нервного возбуждения, но и от больно хлещущих потоков ледяной воды и порыви-

стого резкого ветра. Сразу же стало очень холодно, и Иннокентий буквально за пару секунд промёрз до самых костей! А на всей поверхности земли в одну минуту образовались мощные потоки воды, которые стремительно разрастались, сливаясь, и с рёвом уносились к реке по чуть заметному пологому склону.

Иннокентий медленно продвигался вперёд, цепляясь за холодные мокрые ветки и такие же холодные металлические оградки, чтобы не оступиться и не упасть в холодную грязь. Пальцы рук уже буквально сводило от этого холода! Глинистая почва моментально раскисла. Кроссовки его наполнились водой, и в них при каждом шаге противно хлопало. Подошвы скользили и разъезжались в этом глиняном месиве, ноги насквозь промокли, да и несущиеся потоки воды мешали выбирать твёрдую опору, и Кеша каждую минуту рисковал свалиться в море разливанное, образовавшееся вокруг него, – поэтому шагал он очень медленно, осторожно, и каждый шаг давался ему с трудом!

Но вот молодой церковнослужитель всё-таки благополучно выбрался на главную аллею. Осмотревшись, он увидел в нескольких местах лежащие на земле большие деревья, которые повалил шквалистый ветер. Их вывернутые корни вздымались над пустым кладбищем, как разорённые растрёпанные стога среди голого поля. Это какая же сила нужна, чтобы совладать с такими исполинами! Опрятное право-

славное кладбище выглядело сейчас как после мамаева побоища! И тут же при виде этой разрухи в голове Иннокентия промелькнула хозяйственная и практичная, но в данный момент совершенно отстранённая, мысль о том, что надо будет вернуться сюда потом, попозже, и проверить, – не повредили ли упавшие деревья кресты на соседних могилах. Да и обломанными ветками как-то неряшливо завалено и засыпано всё вокруг, их тоже надо будет убрать и всё привести в порядок. Но мысль эта была очень мимолётной – пришла и ушла, вытесненная другими, сиюминутными заботами...

Колдуньи, конечно, и след уже простыл! Глаза Иннокентия уже привыкли к темноте, и теперь он безнадёжно вглядывался в чёрную глубину кладбищенской улицы, напрягая зрение и торопливо поворачивая голову то в одну сторону аллеи, то в другую. Несмотря на бьющие в лицо струи холодного дождя, молодой пономарь в раздумье остановился, напрасно озираясь по сторонам и совершенно забыв о том, что буквально полчаса назад он очень торопился. При этом он даже не пытался хоть чем-то укрыться от студёного ливня. Потому что, во-первых, всё равно нечем было, – ведь выходя из дома ласковым майским утром, он не взял с собой ни плаща, ни зонта, а во-вторых, – на нём уже настолько всё промокло до последней нитки, что тут уже не помог бы никакой зонтик: бесполезно!

Однако, гроза в начале мая, даже такая яростная и пуга-

ющая, – это явление хоть и грозное, но всё-таки объяснимое, и ничего необычного в этом нет. На то она и весна! Иннокентий и сам это прекрасно понимал, хотя, чего уж говорить, в такую погодушку гораздо приятнее находиться всё-таки где-нибудь в тепле под крышей, а не посреди кладбища по соседству с колдуньей! А вот то, что в таких обстоятельствах он увидел *то, чего никак не хотел видеть*, – это уже совсем другое дело! Душу молодого человека наполнила противная какая-то брезгливость, которая очень расстраивала и угнетала его, и от которой Иннокентий почувствовал себя запачканным и осквернённым с ног до головы. От всего увиденного ему стало очень противно. Утренней радости на сердце – как и не бывало... «Следует как можно скорее рассказать об этом деле отцу Василию», – вслух сказал сам себе будущий дьякон и заспешил, как только мог, стараясь наверстать упущенное время. Ведь и на человека бывало-го всё случившееся подействовало бы не лучшим образом, а Иннокентий был пока юным и неопытным, и поэтому всё, что ему только что довелось наблюдать, очень его взволновало. Да и напугало тоже, честно говоря... И к тому же он понимал, что всё это – очень серьёзно! Тут так просто не отмахнёшься и не скоро забудешь...

Иннокентию уже неоднократно приходилось слышать жалобы родственников новопреставленных рабов Божьих, которые обвиняли в смерти своих родных эту колдунью. Неко-

которые прямо задавали конкретный вопрос: как сжить со свету ненавистную злодейку? Как её остановить? Как от неё избавиться? Многие были настроены самым решительным образом и весьма решительно собирались принять против Анисьи самые крутые меры! Да так, чтоб ей мало не показалось! Отец Василий, как только мог, старался удержать обиженных людей от необдуманных поступков, поскольку знал, что с каждого из них *потом* за всё спросится. Вот и старался он по мере сил удержать своих прихожан от тяжких грехов и расплаты за них. И так-то у всех у нас и без того уже предостаточно дел накручено-наворочено, – не скоро разберёшься! Так зачем же добавлять ещё?

Вот и сейчас – раз она опять появилась здесь, значит жди вскоре покойника! От этой мысли у доброго и мягкосердечного Иннокентия стало совсем мерзко на душе, и он ещё быстрее заторопился в церковь.

Внезапно налетевшая буря уже заканчивалась, когда молодой церковнослужитель приблизился к южному входу в храм, около которого было расположено совсем небольшое огороженное кладбище. На нём много лет почивали в славе Божьей все протоиереи, священники и монахи, служившие здесь в разные годы. В конце концов, спешащий Иннокентий всё-таки поскользнулся на раскисшей глине и, не удержав равновесия, нелепо взмахнул руками и неестественно изогнулся, стараясь удержаться на ногах. Но удержаться не смог и упал на колени прямо около могилы про-

тоиерея Александра Борцова. Большой портрет отца Александра был укреплен в середине массивного солидного креста, и сейчас его глаза спокойно, успокаивающе и ободряюще смотрели на Иннокентия, – «не трусь, парень, сражайся и борись!» Встретившись взглядом с глазами на портрете, он сразу же почувствовал некоторое облегчение и даже какую-то незримую, но явную поддержку этого сильного духом человека. Нервозность улеглась и тревога отступила.

Прошла пара минут. И только-только Иннокентий ощутил в душе утраченное было равновесие, как вдруг почувствовал, что во всем его теле совершенно отчетливо возникла неприятная дрожь, казалось бы – ни с того, ни с сего! Противной дребезжащей волной прошла она с головы до пят по всему его существу, и сердце Иннокентия опять часто застучало. И опять в душе его возникло сильное чувство тревожного волнения. У него даже дыхание перехватило от спазма в горле, словно ему не хватало воздуха! Поднимаясь с колен, он быстро оглянулся назад и, совсем вдали, в глубине кладбища, увидел слабое, неясное, размытое какое-то свечение, опять же напоминающее очертаниями женскую фигуру. Он напрягся, пристально вглядываясь и стараясь рассмотреть, – что же это там такое на этот раз? Свечение медленно перемещалось... вот оно передвинулось на центральную аллею... вот стало удаляться в сторону южных ворот... Очень встревоженный этим новым зрелищем, молодой пономарь просто всей своей кожей почувствовал, что

у него от страха все нервы дыбом встали, – во всяком случае, так ему в тот момент показалось. Молодой человек неподвижно стоял, словно загипнотизированный. А призрачная женщина, между тем, медленно проплывала вдали... *Да такого просто быть не может!!!* Он не мог отвести глаз от этого фантастического видения и, не зная, как быть и что тут можно сделать, часто закрестился, призывая на помощь Отца Небесного, Пресвятую Богородицу и все крестные силы!

Иннокентий всматривался изо всех сил и пытался успокоить сам себя, – может быть, это просто облако тумана такой причудливой формы? Но нет, ему не привиделось! В непонятном слабом свечении достаточно отчетливо угадывались очертания женской фигуры с распущенными волосами. И он уже нисколько не сомневался в том, что эта фигура плывет по воздуху. Пронзительная мысль о колдунье парализовала сознание! Теперь он понял, почему так больно щемило сердце. «Нечистая сила!» – пришли в голову простые и ясные слова. И уже тихим шагом Иннокентий вошёл в храм.

Наскоро почистившись и переодевшись в сухое, молодой служитель в мельчайших подробностях рассказал отцу Василию, которого бесконечно уважал, обо всём случившемся, стараясь излагать все события чётко и по порядку. Отец Василий – умный, образованный, глубоко порядочный и набожный человек – давно знал своего помощника и вни-

мательно выслушал его взволнованный сбивчивый рассказ. А выслушав, сразу понял, что это всё, от первого до последнего слова – правда! Он для начала постарался успокоить Иннокентия, видя в каком состоянии тот находится, и прекрасно понимая все его страхи и волнения, а потом удалился в часовню и долго молился там Господу о защите и спасении невинных людей от ведьминых заговоров и проделок. Хотя проблем у протоиерея хватало и без ведьмы, – но она уже давно была для всех как бельмо в глазу, и не обращать внимания на её «дела» было просто недопустимо!

Совсем недавно протоиерей присутствовал на сельском сходе, где и написал от имени сельчан заявление в городскую Администрацию за подписью двухсот пятидесяти человек одних только пенсионеров, да еще ста пятидесяти – прочих жителей села! Творившиеся там дела уже не терпели никаких отлагательств и, кроме того, напрямую касались интересов церкви. Подумав о заявлении, протоиерей только тяжело вздохнул. Ему было ужасно жаль, прямо до сердечной боли, всех немощных стариков, вынужденных тратить остатки жизненных сил на борьбу с нестигаемым, неистребимым и непотопляемым бюрократическим аппаратом. А тут еще и этот «вампир по вызову»! «Да-а-а...» – удрученно подумал отец Василий, – «вампир не приходит один...» Как священник он много знал о всякой нечисти, но в данном случае под вампиром подразумевался вполне конкретный и очень

непорядочный, прямо-таки отвратительный человек, а именно: Видалий Сегреевич Гадимиров, генеральный директор той самой строительной организации, что широкомасштабно развернула стройку на кладбищенской земле.

Это был заносчивый полутораметровый шарообразный попрыгунчик с непомерными амбициями, загребущими ручонками, абсолютным отсутствием совести и противным визгливым голосом недокастрированного осла! Правда, сама я в действительности не слышала голос такого осла, но смею предположить, что это именно такой же мерзкий голос, как у господина Гаимирова! Однако этот мелкий клещ к своей жертве цеплялся крепко и высасывал кровушку насколько только мог! А уж сколько неприятностей доставлял – и словами не высказать! Одним словом – Видалий Сегреевич по сути своей был не только наглый клещ, но и гнойный прыщ! А скорее даже – полновесный вонючий свищ! Да, зловонный докучливый свищ на теле необычногородской общественности! И, надо сказать, общественность от этого сильно страдала! А за малый рост и подлую душу в народе его называли Карликовым Директором, Злобным Карлой, или попросту Вампиром, а иногда ещё проще – Вурдалаком или Упырём. Так к нему эти прозвища и прилипли. Причём, как можно заметить, – это всё были разные имена одной, по сути, ипостаси! Но какое бы из этих имён не упоминалось в разговоре между разными людьми, все с полуслова отлично понимали, о ком идёт речь!

И в который раз молился отец Василий, прося помощи Божьей в этой абсолютно неразрешимой ситуации! Да где такое видано, чтобы при прокладке газопровода нанесли людям столько морального и материального ущерба! Мало того, что какая-то сомнительная строительная организация стала быстро сооружать многоквартирный жилой дом на окраине кладбища, отхватив изрядную часть кладбищенской земли вместе с захоронениями! Так другая, такая же, «шарашкина контора» в это же время протянула свою траншею под газопровод с другой стороны кладбища, разрушив старые, еще довоенной поры, захоронения – при этом самым бессовестным образом повыбросав из могил останки давно усопших людей и не предав их земле. А до того – нарушив попутно электропроводку и телефонный кабель. А выкопанные кости ночью втихаря загрузили в самосвал и вывезли на городскую свалку. Разве это по-божески, разве это по-христиански? В конце концов, разве это по-людски? Эх, человеки, да что же вы творите?.. Вопиющее безобразие и еще более вопиющее кощунство! Но когда траншею под газопровод дотянули до поселка, дела пошли ещё чуднее: строительные работы пришлось приостановить из-за того, что один хозяин частного дома не дал своего согласия на то, чтобы на его земле рыли траншею прямо посреди участка! Контора, видите ли, решила сэкономить на затратах таким образом! Нисколько с людьми не считаются! И ЭТО вместо того, чтобы просто проложить газопровод на двадцать метров

дальше, в обход дома. А сегодня с утра выплыла на поверхность еще одна новость: по неизвестным причинам контора вообще решила закрыть газовую трубу! Выходила и вообще какая-то чертовщина! Получалось, что траншея проложена как раз до половины села. И что делать остальным жителям? А остальные со страхом гадали, – сколько же теперь с них запросят за проведение газа? И проведут ли его вообще? И как, в конце концов, всё это будет выглядеть?

А уж эти неугомонные пенсионерки! Хоть плачь, хоть смейся! Отец Василий с лёгкой улыбкой вспомнил библиотекаршу села, Любовь Ивановну Соколову. Вот уж действительно далеко не самый лучший образец интеллигенции прежней закалки! Ну какая бы неприятность ни случилась, – она всегда «знала, что так и будет!» – а потом, многозначительно поджав в ниточку и без того тонкие губы, обычно добавляла: «Ну что у нас за народ такой? Ни коммунизм построить, ни капитализм возродить!» – и вопросительно смотрела на священника, ожидая восторженной поддержки её уму, прозорливости и глубокой мысли. Отец Василий обычно старался избегать разговоров с этой всезнающей особой, так как вообще не выносил пустословия! Но ведь не мог же он сказать ей, как некоторые прочие: «Мели, Емеля...» Только однажды священник ей тихо ответил: «Не переживайте, Любовь Ивановна! Мы не одиноки на кладбище жизни...» Любовь Ивановна не очень, правда, поняла – что именно он имел виду, но с тех пор, увидев отца Василия,

больше не подходила к нему со своими пустыми разговорами. Поскольку её честолюбивые порывы не были поддержаны и её интеллект не оценили по достоинству, то значит с таким человеком и разговаривать не о чем! Как-то ей сразу расхотелось беседовать с ним! Да и слава Богу!

– Нет! Нет, и еще раз нет! Я в своем доме буду доживать до последнего дня, до гробовой доски! В тысячный раз повторяю: ни за какие деньги мой дом не продаётся!» – категорическим тоном заявил высокий сухощавый старик, Иван Иванович Ковалёв, работнику строительной компании «Стройполомсервис». – И не надо больше приходить ко мне по этому вопросу!

С этими словами дед выразительно взглянул ещё раз в бегающие глазки вертлявого молодого человека, служащего в «Стройполомсервисе», и раздражённо захлопнул дверь своего дома перед самым его носом, едва не прищемив этот орган обоняния, весьма и весьма выдающийся на невыразительном лице своего владельца!

Расшифровываю кстати название этой компании: ну «строй» – это понятно, организация могла построить, что попало, хотя при этом, между нами говоря, и строила, как попало. «Полом» – это от слова «поломать», так как они могли разломать любые стены, постройки и сооружения, а также – за большие деньги – узаконить в обход закона незаконно произведенную перепланировку. Здорово, да? А «сервис» – это

и вовсе понятно: это означало, что — «мы всегда к вашим услугам!» Просто не организация, а мечта!

— Ишь ты, раз денег полно и наглости хоть отбавляй, так всё можно! Ведь сколько раз уже говорил, что не продается мой дом! Так ведь нет, — чётко первого и пятнадцатого числа каждого месяца снова приходят! Как на дежурство! То одного прохиндея присылают, то другого! Гляди-ка ты, и не поленился, гад, припёрся с утра пораньше! Ну, куда ещё жаловаться? — всё кипятился и не мог успокоиться Иван Иванович. Его просто всего трясло от возмущения и негодования!

Старик, которому на днях исполнилось девяносто лет, всё ещё неплохо себя чувствовал и ни на какие уговоры продать дом и переехать в другое место не соглашался. Через какое-то время, немного успокоившись, бодрый дедок достал свой паспорт и любовно раскрыл твёрдую обложку, потом ласково и не спеша разгладил ладонью жесткий сгиб, ещё раз с видимым удовольствием удостоверился, что ему уже действительно — девяносто, и с усмешкой подумал: «Ну-ну, смерти моей ждут! Долго же ты ещё ждать её будешь, подлый Карла — вурдалак!»

Внутреннее возбуждённое состояние ещё не покинуло старика, и потому Иван Иванович с ненавистью глянул на ни в чём не повинный новый пятиэтажный дом, выстроенный недавно прямо напротив его родового гнезда под руководством этого самого подлого Карлы. А ведь когда-то дом Ковалёвых был последним на главной улице посёлка... И толь-

ко широкая проезжая дорога отделяла его от большого зелёного пастбища и небольшой берёзовой рощицы, за которыми начиналось городское захоронение. Но за всю свою долгую жизнь он привык к этому соседству, и оно ему ничем не мешало, как, впрочем, и другим окрестным старожилам. Живые оберегали кладбище и почитали мёртвых, а мёртвые не докучали живым....

Задумчиво глядя на изменившийся вид за своим окном, дед и так и сяк размышлял о современной жизни и пришёл к печальному выводу, что ситуация в селе сложилась какая-то неправильная и непонятная. С одной стороны – город стремительно разрастался, поглощая близлежащие деревни и сёла, в том числе и это село; с другой стороны – село уже давно вроде как входило в городскую черту, но кто тут хозяйничает на самом деле, – было до сих пор непонятно, и это создавало селянам много неудобств и осложнений. Как вот, например, сейчас, – просто полнейшая происходит неразбериха!

На сельском кладбище, которое теперь считается городским, начали хоронить давно, ещё задолго до войны. Теперь же, при полнейшем попустительстве властей, кладбищенская земля использовалась не по назначению. А именно: строительная компания «Стройполомсервис», желая сэкономить на покупке земли, приобрела каким-то сомнительным способом огромный участок более дешёвой земли на окраине старого кладбища, где и выстроила в рекордно

короткие сроки новый жилой дом. И сколько ни жаловались рядом живущие люди на засилье сомнительной стройки, сколько ни обивал пороги всевозможных инстанций сам священник, от Администрации так никаких ответных действий и не последовало. Ответы на все запросы сводились к одному: всё согласовано, всё в рамках законности! Вот и вышло так, что теперь вынужден был Иван Иванович с соседями наблюдать беспардонное захватывание села, кладбища и всех угодий воротилами бизнеса, а ещё – всеми силами отстаивать своё право на проживание в собственном доме! Да разве думал он когда-нибудь, что доживёт до такого?

К слову сказать, в народе название организации «Строypоломсервис» быстро и метко переименовали в «Строypоломконтора». Таким образом полновесное, солидное и многофункциональное наименование с завидной лёгкостью превратилось в пренебрежительное, презрительное и даже несколько шутовское прозвище! Вроде бы и небольшое произошло изменение в слове, а смысл получился, как видите, уже совсем другой!

По многолетней привычке Иван Иванович поставил самовар, – другого чаепития он не признавал, и не торопясь начал собирать себе поздний завтрак. В прежние-то годы, когда ещё работал машинистом на железной дороге, всегда в шесть часов завтракал, а теперь уж – что и говорить! Он привычно вытащил из старенького буфета и поставил на стол стакан в довоенном ещё красивом медном подстаканнике,

на котором неглубоким чётким тиснением были изображены сцены охоты на лису. Со средней полки того же буфета извлёк сахарницу, расписанную скромными незабудками, и сразу, как обычно в такие моменты, вспомнил жену – эх, любила она эту сахарницу... А уж потом собрал и нехитрую еду, – несколько варёных картофелин и кусок солёного сала, вкусно пахнувшего укропом и чесноком. Старик автоматически передвигался по кухне, поскольку все его движения были настолько отработаны за долгие годы жизни в этом доме, что, наверное, и с закрытыми глазами он не отклонился бы ни на миллиметр от маршрута «стол-буфет-стол».

Ноги и руки сами по себе делали знакомую работу, а голова Ивана Ивановича в это время вся была заполнена невесёлыми мыслями, которые постоянно крутились вокруг расширяющегося строительства. Ничего хорошего не ожидал старик от этой новостройки. Да где такое видано – дом на кладбище строить?! Совсем от жадности из ума выжили! Ох, не кончится добром всё это! Нельзя безнаказанно тревожить покой мёртвых без веской на то причины!

Его тяжкие раздумья прервал приход соседки, тоже пенсионерки, Людмилы Петровны Васечкиной. Они с Галиной, женой Ивана Ивановича, смолodu были закадычными подругами, д и мужа ее, Григория, Иван Иванович очень уважал, тот был человеком толковым и обстоятельным. Детей у Ивана и Галины не было, как-то вот не дал Бог им такого счастья, о чём они оба всегда горевали. Потом уж, конечно,

свыклись, а уж в первые-то годы... Так что, когда не стало Галины, – Иван, Григорий и Людмила остались как три близких родственника, во всём по мере сил поддерживая друг друга. Короче говоря, эти трое стариков были верными и надёжными друзьями.

– Вот, Ванюша, пирог домашний принесла, – с порога затараторила шустрая бабулька, – с клюквой!

– Очень кстати ты, Люда, зашла! – обрадовался дед. Он заулыбался и даже глаза его довольно заблестели! – Клади его вот сюда, да и сама к столу присаживайся!

И как только пирог освободили от всех тряпиц, в которые он был заботливо закутан, по всему дому поплыл волнующий запах домашней выпечки.

– Видела? – спросил соседку Иван Иванович, выразительно кивнув на дверь, – Опять приходили эти хмыри!

– Видела, Ванюша, видела, вот и заторопилась к тебе! Никому они покоя не дают! Мой старик уж на что непробиваемый, да ты и сам знаешь, и то сильно нервничать стал. Давай, говорит, Людмила, продадим этот дом от греха подальше, купим себе другой и спокойно доживать будем. А я – ни в какую! Нет, говорю, Гриша, – нет, нет и ещё раз нет! Ну, никак не могу я на это согласиться! Не будет нам, говорю, счастья в другом месте! Здесь жизнь прожили, здесь дочь вырастили, здесь и доживать будем!

– Правильно! – одобрил её рассуждения Иван Иванович. – И я тоже так считаю! Нечего тут ходить, нас припугивать!

Мы калачи тёртые, нас на испуг не возьмёшь, мы ещё и не таких сусликов видали!

И это была сушая правда! Иван Иванович вспомнил, как прошёл одну за другой две военных кампании. А, пожалуй, даже и все три – сначала финская, потом Отечественная, а потом, уже после капитуляции, когда для всех война закончилась, он еще в Даурии довоёвывал, на Дальнем Востоке...

Душу деда приятно грел чай с мятой, которую наравне с ромашкой он почитал первым средством от всякой хвори и печали, да и пирог оказался выше всяких похвал, так что настроение его значительно улучшилось.

Иван Иванович немного призадумался, но тут его воспоминания и размышления были прерваны Людмилой Петровной:

– Я вот что тут услышала, Ванюша! Может, оно и неправда всё; может, это пустые языки напрасно болтают, да только заехавшие жильцы из новой пятиэтажки поговаривают, что по ночам в их доме странные вещи творятся! – Людмила Петровна таинственно понизила голос и с интригующим видом наклонилась поближе к соседу, выразительно тыча пальцем в сторону новенькой пятиэтажки. – То, неизвестно какие, стуки в стенах их донимают, то вроде как в окна кто скребется по ночам, да стонет при этом так, что душа холодеет и содрогается! А то и вовсе какие-то тени по комнатам перемещаются, стонут да вздыхают! И все двери и форточки сами собой открываются!

– Не знаю, соседushка... не знаю... Может, и болтают, а может, и вправду там странности творятся. Да сама, Людмила, посуди. Помнишь, что было, когда еще только стройку начали и только-только фундамент выкопали?

– Помню, конечно! – не понимая, куда клонит сосед, ответила Людмила Петровна.

– А помнишь, сколько тут костей и гробов потревожили, повыкапывали да повыкидывали? – продолжал Иван Иванович.

От возмущения он даже встал из-за стола и взволнованно заходил по комнате. Да и как можно спокойно смотреть на такое безобразие?

– Как не помнить! Вся детвора там безвылазно крутилась, мальчишки по всей округе черепа таскали да девчонок ими пугали!

– А как ты думаешь – строителям такое кощунство с рук сойдет?

– Нет! – твердо и убежденно ответила Людмила Петровна. – Нет, конечно! Не может такое дело остаться безнаказанным!

– И я думаю, что добром это не кончится. Нельзя никому по человеческим костям гулять, нельзя... Не будет, Люда, в этом доме ни покоя, ни радости! А ещё смотри: раньше вон там дрога была, по которой похоронные процессии двигались, а теперь – сразу из-за этого дома едут и прямо мимо моих окон! Ох, и развлечение у меня стало! – каждый день

смотрю на новопреставленных! То-то «радости» у меня добавилось! Но и это не всё! Тем-то жильцам ещё хуже, они-то и вовсе теперь только на кладбищенские кресты любят-ся да разве что ещё на звезды. Нормальные люди в парке гу-ляют, а этим с детишками малыми где гулять, — по погосту, что ли? — не унимался снова разволновавшийся дед, который только что начал было успокаиваться после ухода очередно-го визитёра «оттуда».

— Ванюша, слушай, что я ещё узнала. Теперь под офис этой строительной конторы в подвальном помещении ново-го дома место оборудовали. Им тут просто красота — всё под рукой и за аренду платить не надо! Завтра переезжать будут. Так что Упырь теперь нашим ближайшим соседом будет!

— Ничего, пусть переезжают. Бог всё видит, — махнул ру-кой Иван Иванович. — Хотя сто лет не знать бы такого соседа!

И он подумал о том, как тихо и мирно текла здесь простая сельская жизнь до появления в этих краях упыря Видаль-ки. Вот навязался на нашу шею! Ведь и поделаться-то ниче-го невозможно, — ни его отсюда изгнать, ни самому куда-ни-будь уйти. Да и в честь чего уходить с родного места? А ведь не ему одному портит кровь это вурдалак, вся округа уже стонет от такого соседства...

Старики ещё немного пообсуждали последние новости и всё, что с ними связано, после чего Людмила Петровна ушла, тепло распрощавшись с другом и по мере сил подбодрив его. Да теперь у всех сельчан все разговоры неизменно

вращались вокруг новостройки и её бессовестного руководства. О чём бы ни начинался разговор, а сводился опять же к этому, так как это дело касалось всех и являлось на данный момент самым большим вопросом.

Поразмыслив обо всём этом ещё немного, Иван Иванович Ковалёв, человек далеко не робкого десятка, решил навестить своего давнишнего приятеля – кладбищенского сторожа Свинкина Егора Васильевича, такого же бодрого, неунывающего старика. Да, кроме того, ещё одно дело было у него к Егору, так что Иван Иванович начал быстро собираться, думая обо всех делах одновременно.

Основательный и рассудительный Егор Васильевич, несмотря на возраст, всё ещё работал. Работа его заключалась в том, что он следил за порядком на кладбище, прибирал на тех могилках, на которые уже некому было ходить, ну и, конечно, охранял покой всей вверенной ему территории. Словом, – он всегда был занят своей неспешной работой, которую исполнял добросовестно не один десяток лет.

Егор Васильевич уже много лет жил вдвоём с женой Ниной Викторовной, умной проницательной женщиной, в небольшой избушке на окраине посёлка, в двадцати минутах ходьбы от кладбищенских ворот. Сын и дочь выросли, обзавелись своими семьями и жили в разных городах. Сын Илья жил и работал в Москве, успешно руководил какой-то компьютерной фирмой. А дочь Наталья совсем молодень-

кой девчонкой выскочила замуж за курсанта автомобильного училища, и за годы совместной жизни объехала с мужем почитай что полстраны. Дети стариков не забывали и хотя бы раз в два-три года наезжали в отпуск. Особенно весело было, когда отпуска у них совпадали...

На данный момент супруги находились одни и очень переживали из-за всех безобразий, которых тут стало твориться превеликое множество. Особенным ударом стало то, что когда рядом развернулась стройка, кто-то распорядился заложить главный вход на кладбище кирпичами, что очень осложнило жизнь пожилому сторожу.

– Добрый день, Егор! Как жизнь стариковская? – поприветствовал друга Иван Иванович, протягивая руку для пожатия.

– Здравствуй, Иван! Проходи, – обрадовался приходу давнишнего приятеля Егор Васильевич. – Сам видишь, старость не приходит одна...

Погода была прекрасная, поэтому друзья в дом заходить не стали, а оба удобно устроились на скамеечке перед воротами, привалившись спинами к заборчику палисадника. Наконец-то, они могли поговорить и отвести душу! К Егору Васильевичу подошел маленький черненький козленок и игриво потерся точёной головкой о его колени. Рядом на свежей травушке-муравушке паслась привязанная на длинной веревке коза. Возле неё крутился и всё время заигрывал с матерью ещё один козлёночек, такой же маленький, только бе-

ленький. Иван Иванович невольно залюбовался этим семейством: до чего же козлята были похожи на миниатюрные изящные игрушечки! А из дома ветерок доносил чудесный запах борща и восхитительный аромат варенья! Это хлопотала у плиты домовитая Нина Викторовна.

Вам непонятно, какое в мае может быть варенье? Да очень замечательное, – из солнечных одуванчиков и лимончика! Та-а-кая вкуснятина, что пальчики оближешь и язык проглотишь!

– Смотрю, Егор, застроили нынче тут у тебя ворота на погост: в три ряда кирпичом заложили, да еще и забором обнесли, – с недоумением глядя на свежую кирпичную кладку, задумчиво произнес Иван Иванович. – Это кто же так по-дурацки распорядился?

– Знамо кто, – вурдалак одноглазый! – моментально отозвался Егор. – Мало того, что ворота заложили, так ещё они решили вот на этом месте автостоянку соорудить! А на работу мне теперь через дырку в старом заборе пролезать приходится, – поверишь ли, как акробат какой в цирке изворачиваюсь! А уж они раз в это место вцепились, значит, опять могилы ворочать будут! Ну что за люди! Ни стыда в душе, ни страха Божьего! – возмущённо заключил рассерженный сторож.

Всё происходящее он воспринимал как личное оскорбление, и ему от этого было очень тяжело!

– Да-а-а... – понимающе протянул Иван Иванович. – Я

так думаю, что не очень весело смотреть тебе сейчас на все эти безобразия...

– Вот помяни мое слово, Иван, – главное «веселье» впереди начнётся! Ну не может такое безобразие длиться до бесконечности! Кому-то за все эти «деяния» ответить придётся! – горячо воскликнул Егор Васильевич и тут же переключился на другой животрепещущий вопрос. – Недавно тут моя Нина ходила могилку поправлять одному участнику Отечественной войны, так, говорит, встретила там колдунью из соседнего села Верхние Грязи. Как думаешь, какого рожна ей там надо стало? Нина считает, что неспроста это, жди теперь беды! И точно так ведь и оказалось! На следующий день к вечеру пришел тут один молодой мужик на могилу жены, – та беременная была, когда погибла от несчастного случая. Так он говорил, что сразу две надежды умерли у него. И представляешь, какой-то наркоман тут же и убил его, прямо на могиле жены! И что бы ты думал, Иван! На следующий день опять эта ведьма по кладбищу шастала!

– А может, все это просто совпадение? – без особой надежды, неуверенно произнес Иван Иванович.

Но Егор Васильевич ответить не успел, так как в этот момент на крыльцо дома вышла Нина Викторовна, и оба собеседника дружно обернулись к ней. Женщина она была немногословная, но всё ещё энергичная и очень гостеприимная.

– Ничего это не совпадение, дорогой наш сосед, – услы-

шав последние слова Ивана Ивановича, она кивнула ему головой в знак приветствия и подхватила всех троих волнующий разговор. – Нет, Иван Иванович, колдовки просто так по этим местам не ходят! Обряды свои мерзкие делают, – может, в могилу кого свести хотят, а, может, порчу наслать, жизнь человеку попортить да испоганить!

– Не говори ерунды, Нина, – отмахнулся от слов жены Егор Васильевич. – И без твоих фантазий тошно!

– Я вот что к тебе пришел, Егор, – немного помолчав, начал Иван Иванович о своей просьбе. – Хочу тут к родственникам в Толстоухово съездить, денька на три, надо бы их провести! Так ты присмотри, пожалуйста, за моим котом. Он теперь один хозяйничать остаётся.

– Не волнуйся, Ваня, присмотрю. Не впервой. Ничего с ним не случится! Поезжай спокойно, – на сколько дней надо, на столько и поезжай.

– Ну, тогда бывайте! Спасибо тебе, Егор. Пойду собираться. – Иван Иванович распрощался с соседями и с лёгкостью в душе неторопливо зашагал в сторону своего дома, радуясь теплему деньку и предстоящей встрече с родственниками.

...Вот ведь, однако, какая досада! Пока дошёл до дома, на небе вдруг появились и быстро стали сгущаться тучи. Да и что скажешь, весной погода неустойчивая. Ну и ладно, все пройдет, – в первый раз, что ли, гроза в начале мая...

Обычно, отлучаясь из дома, Иван Иванович запирает дверь на замок и оставлял ключ под половицей крыльца –

там, где из половицы один гвоздик давно выпал. Иван Иванович был уверен, что в его отсутствие никто к нему в дом не полезет, несмотря на случающиеся в последнее время взломы и кражи. И действительно, к нему никто никогда не пытался проникнуть. А Егор про это тайное место знает и сможет попасть в дом в любое время.

После смерти жены хозяйство деда стало совсем немудрёным. Большой хитрый котяра Васька был единственным и любимым членом семьи Ивана Ивановича, старик всегда прощал ему все проделки и души в нём не чаял! Кот в ответ тоже платил ему нежной любовью и привязанностью. Вот и сейчас Васька сидел на окне, выходящем на дорогу, и внимательно вглядывался вдаль в ожидании своего хозяина, а когда, наконец, увидел его, то резво побежал навстречу, громко мяукая от радости. Но вдруг кот остановился и замер на месте, как вкопанный! Он весь ошетинился, прижал уши, зашипел, выгнул спину крутой дугой и резко, не сходя с места, высоко прыгнул вверх. Но промахнулся! Совсем низко пролетела большая ворона, сбив кепку с головы Ивана Ивановича. Затем она спикировала вниз ещё раз и крепенько долбанула Ваську своим железным клювом прямо в голову, после чего с нахальным видом, довольная, уселась на дымовую трубу. Васька взвыл от боли, а ворона, находясь в безопасности, издевательски уставилась на ошалевшего от такой наглости на кота глазами-бусинками – ну-ка, попробуй поймать меня, коли ты такой ловкий!

– Тьфу, напасть! – недовольно буркнул Иван Иванович. – И откуда ты только взялась? Потом подхватил на руки кота, совершенно обалдевшего от вороньей наглости, и закрыл за собой калитку.

В ту же минуту вокруг потемнело, и на землю обрушился сильный ливень, а по подоконникам застучал град. Чуть ли не бегом добрался дед до дома и поторопился как можно скорее оказаться внутри. Казалось, что вся жизнь замерла, и во всём мире остался только этот сумасшедший дождь! Однако, несмотря на мерзкую погоду, с улицы через открытую форточку донеслись громкие звуки похоронного марша, и Иван Иванович поспешил закрыть окно. «Не музыка, а НЕЧТО...» – раздражённо проворчал он при этом.

Пока Иван Иванович добрался от калитки до крылечка, успел промокнуть до нитки. А идти-то там было всего с десятков шагов! Чтобы не простудиться, он сразу же снял с себя всё мокрое. Но едва дед успел переодеться, как раздался не очень громкий стук в дверь и кот опять ошетинился.

– И кого носит в такую пору? Да в такую погоду добрый хозяин собаку на улицу не выгонит... И кому дома не сидится?... – тихонько ворчал про себя Иван Иванович, направляясь к двери, чтобы встретить нежданного гостя.

Все еще недоумевая, – кто бы это мог быть, – старик открыл дверь. На пороге стояла женщина, вся насквозь промокшая под проливным дождём.

– Здравствуйте, Иван Иванович! Я к Вам от Ваших родственников из Толстоухово.

– А! Да, да, проходите, – засуетился дед, приглашая незнакомую гостью пройти в комнату.

Он никак не мог припомнить её из всех толстоуховских знакомых и потому не представлял даже, – зачем же она пожаловала? Женщина вошла, но дальше проходить не стала и остановилась у порога, и старик отметил про себя, что на вид ей не более тридцати лет. Одета просто. Миловидная, черноволосая, с тонкими чертами лица и без малейшего следа косметики. Приятная такая женщина. С полувопросительной улыбкой Иван Иванович взглянул на неё. Женщина представилась:

– Я Елена Михайловна Покровская, живу на одной улице с Вашими родственниками. Новости у меня не совсем хорошие, Иван Иванович, но меня просили сообщить Вам, чтобы Вы завтра ехать туда не торопились. Двоюродный брат Ваш, Семен Семенович, сегодня утром скоротостижно скончался. Хоронить его будут на третий день, поэтому Вас там ждут в среду.

– Да как же так... и свидеться не успели последний раз... а я ведь завтра хотел... – невразумительно залепетал Иван Иванович, совершенно растерявшийся из-за полученной новости. Ноги его как-то враз ослабли, и он опустился на стул. Задумался. – Значит, преставился Семен... царствие ему небесное...

Женщина помолчала, с сожалением посмотрела себе под ноги, где с её насквозь промокшей одежды уже натекала большая лужа, потом повернулась к двери и мягко произнесла:

– Я пойду, Иван Иванович. А то на рейсовый автобус опоздаю, я ведь здесь проездом.

– Да, да, конечно! – встрепенулся старик. – Спасибо, что пришли. Привет всем передавайте. Я обязательно буду!

Елена Михайловна распрощалась с дедом и быстро ушла. Старик задумался, глядя в омытые дождём окна. Конечно, ждут его в среду, но всё же – раз уж собрался, – пожалуй, надо поехать. Да и насчёт кота с Егором договорился. Да и мало ли, что там помочь надо... В общем, решено: еду сейчас, как надумал, не дожидаясь среды.

Наступила ночь. Ивана Ивановича долго мучала бессонница, одолевали разные тяжёлые мысли, а потому ненадолго заснуть удалось только под утро. Однако он рано встал, быстро собрался, тщательно закрыл за собой дверь, положил ключ в тайничок и затем отправился на автовокзал, откуда первым же рейсом выехал в Толстоухово. Смутное беспокойство не покидало его и гнало вперёд, не давая сосредоточиться ни на одной мысли.

Едва Иван Иванович свернул на улицу, на которой находился дом брата, то уже издали сразу увидел скопление людей возле дома, вдову покойного в черном платке и её немногочисленных родственников. Заметив приближающе-

гося Ивана Ивановича, вдова пошла ему навстречу и, видимо уже в который раз, прослезилась:

– Проходи в дом, Иван! А у нас видишь, что произошло...

– Вижу, Мариночка, вижу.

– Семёна в морг увезли. Хотела я пойти тебе, Ваня, телеграмму отправить, да ты вот сам приехал, словно что почувствовал.

– Марина, да как же я мог после такого сообщения дома оставаться! Заходила ко мне твоя соседка, Елена Покровская, – спасибо ей! – сказала, что ты ждёшь меня в среду. Но я не вытерпел и приехал первым же рейсом. Тебе что-нибудь помочь нужно?

Явно удивленная его словами, Марина Яковлевна с изумлением посмотрела на приехавшего родственника:

– Ваня, да ты, наверное, в чём-то ошибаешься, – ведь Елена Михайловна со вчерашнего дня мне тут помогает! Когда же она до тебя успела доехать? – вдова подошла к раскрытому окну дома и громко позвала: – Лен! А Лен! Ты вчера была проездом у Ивана?

Из глубины комнаты подошла к окну и неторопливо облокотилась на подоконник пожилая женщина. Она приветливо кивнула Ивану Ивановичу:

– Я уж больше года из Толстоухово никуда не выбиралась. Так как же я могла у него проездом быть?

Иван Иванович внимательно посмотрел на улыбающуюся женщину и почувствовал, как его охватил холодный озноб.

– Вы Елена Михайловна Покровская? – неуверенно спросил он, ощущая, что у него даже язык во рту заплетается от чего-то нехорошего и необъяснимого...

– Да, я, – спокойно ответила женщина и вопросительно глянула на Ивана Ивановича. То ли можно пойти делом заняться, то ли у странного старика еще вопросы будут...

Иван Иванович почувствовал, что ему становится дурно. Он чем угодно готов был поклясться, что вчера к нему заходила совершенно другая женщина, а не эта, которая сейчас внимательно смотрит на него из окна! Ведь не мог же он так ошибаться! И не сошел же он с ума, в самом деле! У него просто голова пошла кругом от такого поворота! Да что же это такое творится на белом свете?

Этот вопрос он задавал себе уже тысячу раз, – всю обратную дорогу, пока возвращался домой после похорон. На душе было очень нехорошо. Хотелось поскорее обнять любимого кота и не думать больше об этом ...э-э-э... недоразумении, а то от таких мыслей и свихнуться недолго! Всё равно никакого объяснения этому не находилось, так что уж лучше всё это выкинуть из головы и постараться поскорее забыть. И без того есть, о чём стоит подумать и побеспокоиться!

Когда Иван Иванович вышел из автобуса на своей родной конечной остановке, то невольно с облегчением вздохнул: «Наконец-то приехал! Скорее бы уж до дома добраться!» Не зря ведь говорится, что дома и стены помогают. И Иван

Иванович представил себе, как совсем скоро, буквально через несколько минут он окажется в своём доме, обнимет кота, поставит самовар и быстренько сварганит заварочку с любимой мятой! Каких-то плюшек-ватрушек Нина ему полный пакет натолкала после поминок, так что об обеде заботиться не придётся, можно будет спокойно лечь, вытянуть уставшие ноги и просто отдохнуть с газетками, которые скопились за время его отсутствия. Иван Иванович так живо вообразил себе всё это, что даже запах мяты почувствовал, словно стакан с чаем уже стоял перед ним!

Путь до дома был недолгий, минут десять-пятнадцать, и погруженного в разные мысли старика ноги сами машинально несли к своей улице. Вот и донесли они его до родного дома... Да только – до дома ли? Моментально очнувшись, Иван Иванович резко остановился, словно натолкнувшись на невидимую стену! Он стоял и растерянно таращился на расстилающееся перед ним ровное пустое место! Он крепко зажмурился и потряс головой, отгоняя нелепое видение. Открыл глаза. Ничего не изменилось! Тогда он сильнее протер глаза и снова уставился на пустоту, открытую перед ним. Опять ничего не изменилось! Слева стоял соседский дом, за огородом, на задах, был, как на ладони, виден дом другого соседа, а его собственного дома – не было! *Дома не было!* Там, где три дня назад он оставил свой дом, прибранный двор, палисадник с зацветающими нарциссами, – всё то, что до последней дощечки, до последней тра-

винки было родным и до мелочей наизусть знакомым, – там сейчас расстиралось ровное гладкое место, без единого признака жизни и человеческого жилья! Не было даже кота! Это было уже просто... чёрт знает что! Очень больно закололо сердце. Иван Иванович схватился ослабевшей рукой за грудь и немного постоял, боясь даже пошевелиться, чтобы не упасть и не умереть от сильной пронзительной боли. Так... немного отпустило...

Он ещё немного потоптался, бессмысленным взором уставившись на эту пустоту, в полнейшей растерянности огляделся по сторонам, потом с трудом повернулся на негнущихся ногах и медленно побрёл к домику Егора Васильевича. Силы окончательно покинули старика, и он шёл, еле переставляя ноги, отяжелевшие от полнейшей слабости. Он был настолько растерян и потерян, что даже думать связно не мог! В душе его были сейчас только опустошенность и непонимание всего увиденного, и больше ничего – ни мыслей, ни чувств, ни эмоций, вообще ничего!

Старый друг очень долго открывал ворота. При этом Иван Иванович автоматически отметил про себя, что раньше никогда эти ворота не запирались на столько запоров и засовов. Что же должно было тут произойти за три дня, чтобы стойкий и бесстрашный Егор вдруг так заосторожничал?

– Привет, Егор, – потухшим голосом поприветствовал друга Иван Иванович.

– Привет, Иван, заходи, – с тоскою в голосе ответил Егор, – видел уже, какая тут оказия случилась? Садись, все расскажу, и рассказ будет долгий.

Он заботливо усадил Ивана Ивановича, а Нина Викторовна быстро и неслышно собрала на стол, чтобы покормить несчастного старика. Да и вообще, – какой может быть разговор на пустой желудок? Вот сейчас поест, успокоится, да и обсудим всё по порядку! А бедному Ивану Ивановичу кусок не шёл в горло, но чтобы не обижать друзей он взял в руки чашку с парным молоком и через силу сделал один глоток. И уж после этого Егор Васильевич приступил к своему невесёлому рассказу:

– Только ты, Ваня, уехал, сразу же приехали-понаехали строители и начисто твою избушку снесли. И все обломки мигом вывезли, и место бульдозером заровняли! Камня на камне не оставили, как после Мамая! Ровную пустыню сделали! Да ты и сам видал, что там теперь стало... И ведь они, ироды, никого туда даже близко не подпускали, торопились все следы замести! Вот только и успел я кота твоего захватить, а то бы и его порешили!

– Тогда, Егор, ты, может, видел, чьих рук это дело? Тут, наверное, рученьку приложила та самая «стройполомконтора», которая меня из дома выживала? Получается, следили за мной, прохвосты! Выследил меня всё-таки подлый Карла! Выбрал момент, когда я ответить не могу! Жаловаться теперь надо идти. Куда только? Что-то не могу я никак с мыс-

лями собраться, с чего начинать...

– Эх, Ваня! Жалобу писать, конечно, надо, да только новый дом они тебе не дадут и другой дом строить не станут! А суды наши сам знаешь, – на судебные тяжбы годы уйдут, а результат еще не известен! У нас ведь всегда прав тот, у кого больше прав, и на ордена твои не посмотрят!

– Ничего, Егор. Это еще не вечер! – упрямо ответил Иван Иванович, и Егор с радостью отметил, что друг понемногу стал приходить в себя, а то ведь от таких новостей и помереть невзначай можно. – Землю я им не отдам, покуда жив буду! Пусть даже и не мечтают! – с мрачной решимостью в голосе произнёс Иван Иванович. Сказал – как припечатал!

– Это верно! Землю им отдавать никак нельзя. А ты у нас пока оставайся. Мы тут с Ниной это дело обсудили: есть у нас знакомый начальник, не с этой стройки, с другой, – торопливо уточнил Егор, увидев вопросительный взгляд Ковалёва, – так мы с ним договорились, и он отдаёт нам строительный вагончик. Притащим его сюда, поставим рядом с нашим домом, и живи в нём хоть сколько, спокойно своими делами занимайся. Хоть и не хоромы, а все же отдельный угол! А пока тебе жильё не оборудуем, поживёшь, Ваня, у нас. И не спорь, мы с Ниной уже всё обдумали!

– Спасибо, Егор! Вот уж точно говорят: пришла беда, отворяй ворота!

Но на самом деле хоть и крепился несчастный старик изо всех сил, а если бы не помощь друзей – хоть в поле но-

чуи! Куда податься-то? И в сердце Ковалёва поднялась такая большая признательность к Егору и Нине, что даже слёзы выступили на глазах и задрожали, готовые вот-вот потечь по морщинистым щекам обездоленного человека. Он быстренько отвернулся и постарался незаметно смахнуть их рукой. Но друзей не проведёшь! Нина с Егором понимающе переглянулись и быстренько перевели разговор на другую тему...

Так за разговорами незаметно прошла ночь. Все трое не сомкнули глаз, на все лады рассуждая, как быть и что делать, да и спать, в общем-то, никому не хотелось. Уж слишком всё далеко зашло, и потому всем троим было не до сна.

Вообще вся атмосфера в селе была пропитана тревогой. Теперь сельчане накрепко запирали все двери и без особой нужды старались не оставлять свои дома без надзора. Каждый понимал, что и с ним может случиться то же, что и с Ковалёвым...

Правда, во всей этой нехорошей истории нашелся и один хороший момент: когда Иван Иванович уезжал на похороны брата, то взял с собой паспорт. А не будь паспорта – даже представить страшно, что бы он тогда стал делать! Всем ведь известно, что без бумажки – ты букашка, и только с бумажкой – человек! А среди всех бумаг и бумажек, что сопровождают человека на протяжении всей жизни, паспорт – бумажка наиглавнейшая! Вот и получается, что хотя бы в этом де-

ду повезло!

На следующее утро Иван Иванович отправился первым делом в офис «Стройполомсервиса», чтобы потребовать объяснений по поводу самовольно снесённого дома, да ещё и со всем имуществом! Полдня промаялся там беспомощный старик, томясь ожиданием, но принять его так и не приняли, отговариваясь разными причинами. Тогда Иван Иванович, не откладывая дела в долгий ящик, решил обратиться за консультацией в юридическую контору.

Женщина-юрист выслушала ветерана очень внимательно, но ответ дала, как ему показалось, какой-то не очень оптимистический:

– Ну что Вам сказать на это, Иван Иванович... Трудно будет доказать причастность данной строительной компании к этому делу, это во-первых. Во-вторых, даже если и признают их виновными, – очень маловероятно, но вдруг! – то самый максимум, на который можно реально рассчитывать – это дадут два года лишения свободы, а то и вовсе – условно, какому-нибудь заместителю. Между нами говоря, у Видалия Сегреевича Гадиминова это не первый случай, когда за деяния шефа собственной свободой платят его замы. Да только, исходя из своего опыта, могу почти со стопроцентной уверенностью сказать, что в данном случае ущерб возмещать Вам никто не будет. Или формально отделаются какой-нибудь мелочью. Выплатят копейки, и на этом всё! Это факт!

И она стала ссылаться на какие-то пункты Федерального закона о возмещении убытков, а также о деяниях, совершенных из хулиганских побуждений путем поджога, взрыва или иным опасным для жизни способом, и так далее. Но когда после этого она стала объяснять, сколько всевозможных документов и справок нужно собрать в доказательство совершённого злодеяния, чтобы признать его таковым, у Ивана Ивановича голова пошла кругом, и он решил с обращением в суд повременить. Тем более что вместе с домом пропали все его документы – и личные, и на дом, и на землю – а на их восстановление требовалось много сил, времени и, конечно, денег.

– Так что же это получается? Выходит, на этих наглцов и управы никакой нет? – совершенно упавшим голосом спросил Иван Иванович.

– Самое лучшее в Вашей ситуации – это действительно пока поставить на земле соседа вагончик и жить в нём, – посочувствовала добрая женщина.

– А если и вагончик утащат?

– Ну, тогда... чтобы избежать этого, Вам не следует надолго отлучаться ни к родственникам в деревню, ни куда-либо еще. Желательно Ваше личное и постоянное присутствие в жилище...

...А в это время во всей стране встречали самый большой праздник России – День Победы! Но как-то все это отшуме-

ло и прокатилось в стороне: где-то там чествовали ветеранов, где-то там проходили праздничные концерты и грандиозные мероприятия! Где-то там кипела жизнь, и люди верили, что, наверное, уже не за горами светлое будущее! Ведь не напрасны же были все миллионные жертвы! И пусть в стране сменился общественно-политический строй, но людям по-прежнему хотелось жить хорошо и всем хотелось, чтобы их дети были счастливы! Но всё это было где-то там, в Городе, а здесь в Нижних Грязях всё было по-иному...

Здесь, как обычно, сошлись несколько соседей-стариков, ветеранов Великой Отечественной, которые ещё были живы и могли самостоятельно передвигаться, в доме самого «молодого» из них. Все они торжественно нарядились в свои давно уже немодные парадные пиджаки, увешанные орденами и медалями, и смотрелись прямо-таки бравыми орлами! Все деды были в хорошем настроении, у всех радостно блестя глаза, и в окружении ровесников все они опять чувствовали себя молодыми и здоровыми! С шуточками и прибауточками расселись наши старички за раздвинутый стол, радушно накрытый заботливой хозяйкой. Выпили, как водится, по чарочке за Победу и за погибших друзей! Закусили, переговариваясь, картошечкой, колбаской, прошлогодней квашеной капусткой и солеными огурчиками-помидорчиками. Повспоминали прошлое, поговорили о настоящем, поругали Чубайса на все корки, – да и разошлись опять по своим дворам, к своим телевизорам, смотреть па-

рад с Красной площади да праздничный концерт из Кремля, а потом – и на огороде покопаться, благо, что день выдался тёплый и погожий. Вот и весь праздник!

...Так ничего нигде и не добившись, промотавшись целый день попусту, уставший старик Ковалёв вернулся к Егору Васильевичу. Тот уже договорился насчет доставки вагончика, который пообещали привести сегодня к вечеру, о чём и сообщил с великой радостью своему давнишнему соседу и по этой же причине пребывал в хорошем расположении духа.

...А жена его, с недовольным видом и тревогой в душе, наблюдала за лихорадочными работами по разрушению кладбищенской ограды и многих, прилегающих к ней, старых захоронений, для сооружения на этом месте автостоянки. Она смотрела на «разрушителей», как она про себя называла снующих на стройплощадке работников и только думала: «Они что? С ума там все посходили, что ли?»

– Какое ужасное надругательство совершают! – возмущённо прокомментировала она вслух действия рабочих. – Вот уж воистину, не ведают что творят!

– Сиди себе и помалкивай! – оборвал её причитания Егор Васильевич. — Довыступаешься до того, что и наш домишко с землёй сравниют!

Видно было, что уже не раз состоялся между ними разговор на эту тему. И они оба очень переживали из-за всего

происходящего и своей полнейшей беспомощности. Да и что могли сделать двое стариков против хищной и ненасытной махины «Стройполомконторы», активно действующей под чутким руководством ушлого Видалия Сегреевича Гадимирова? Разве что лечь под колёса? Но навряд ли даже это остановило бы подлого Видальку! Ему же по людским головам шагать – это всё равно как... ну... вы про два пальца слышали? Вот и тут то же самое...

– Да, выступаю! И что? – запальчиво ответила Нина Викторовна.

Она упёрла руки в боки, а взор её метал гром и молнии...

– А ты, Егорушка, не выступаешь только потому, что твои родственники тут не лежат и тебя это не касается, – гневно продолжала она. – А то бы, пожалуй, так не молчал! Здесь еще и детское кладбище было, хоть и старое... Как только людям в глаза теперь будем смотреть! А, сторож? Даже и не знаю...

И она едва не заплакала. Насколько же горестно было ей сейчас! Конечно, упрёк в сторону Егора Васильевича был несправедливым, но что он мог сказать и что он мог поделаться? Ему и самому было очень тяжело от всех этих безобразий! Нина Викторовна, перекрестившись, отошла от окна. Она едва сдерживала слёзы! А мужички, видя её состояние, молча переглянулись да и вышли во двор, покурить.

Тут раздался стук в ворота и послышался голос Людмилы Петровны. Она пришла проведать бездомного теперь Ивана

Ивановича. Болит душа за соседа, а чем поможешь? Так вот только, – накормить да подбодрить, поддержать, чтобы совсем уж не падал духом. Ох, не приведи Господь, оказаться на его месте!

– Добрый день, соседи! – входя во двор, поздоровалась она. – Вот зашла узнать, как ты теперь, Ваня? Что делать предполагаешь? Ведь такое несчастье! Кто бы мог подумать, что такое вообще возможно?!

– Здравствуй, Людушка! Сейчас всё расскажу...

– Добрый день и тебе, Людмила. Проходи в дом, Нина сама тебе там всё расскажет, пока мы тут небо немного покоптим, – радушно пригласил соседку Егор.

Как только Людмила Петровна скрылась в доме, деды переглянулись и добродушно усмехнулись:

– Ох, уж эти женщины! Лишь бы все сплетни собрать. И ничего не скажешь – подружки!

Но ведь и этот упрёк тоже был несправедливым! Спрашивается: сами-то они чем от женщин отличаются в этой ситуации? Да ничем! Точно так же на тысячу раз всё между собой обговорили...

Докурив, друзья вернулись в дом. Весь разговор опять крутился вокруг стройпункта, снесённого дома, разрушенного кладбища и Злобного Карлы. Иван Иванович подавал порой какие-то реплики, но фактически он не принимал участия в общей беседе, видно было, что голова его сей-

час занята другим, несмотря на то, что всё происходящее казалось его напрямую. Хоть он и присутствовал здесь, но полностью был погружен в свои мысли, снова и снова перебирая в памяти все события сегодняшнего дня.

– Да, да, Нина, точно тебе говорю, я сама из окна видела! – эта фраза соседки вывела Ивана Ивановича из задумчивости. – Когда я увидела, что начали ломать дом, я выбежала и спросила у экскаваторщика: на каком основании они тут затеяли это безобразие, да ещё в отсутствии хозяина?! Тут как раз, прямо при мне, «скорая» и приехала! Но сделать уже ничего не успели. Сдох жополиз! На носилках вынесли труп и увезли. Наверное, в морг, – куда же ещё? – уверенно ответила Людмила Петровна на невысказанный вопрос Нины Викторовны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.